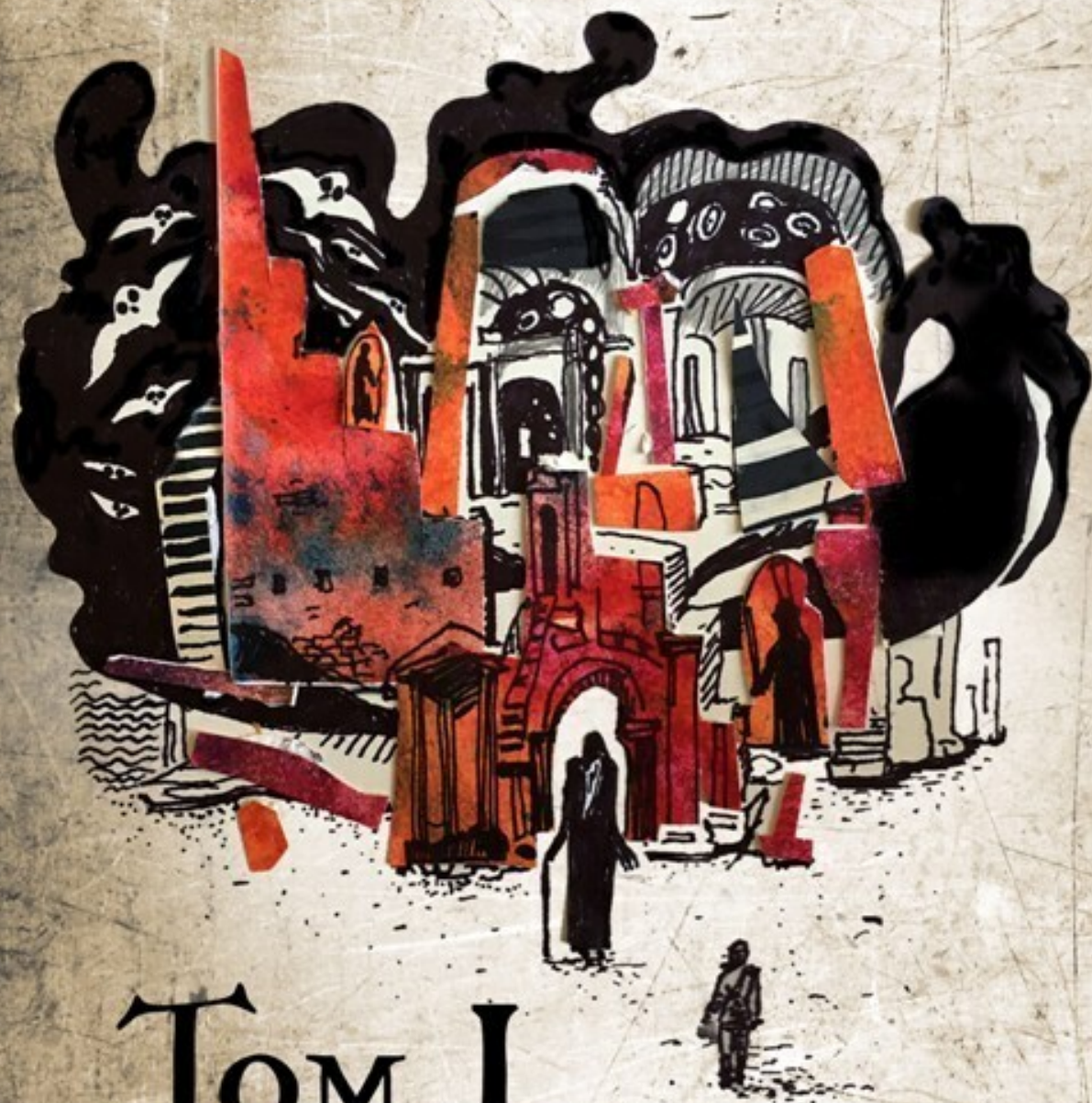

Рэада Цанн

Том I
ИСТИННОЕ
ИМЯ

Сталь и Золото

Рэйда Линн

**Сталь и Золото. Книга
1. Истинное имя. Том 1**

«1С-Публишинг»

2020

Линн Р.

Сталь и Золото. Книга 1. Истинное имя. Том 1 / Р. Линн — «1С-Публишинг», 2020 — (Сталь и Золото)

На бескрайних просторах империи затеряна глухая деревня, в которой живёт подросток без имени. Все его так и называют: Безымянный – даже члены приютившей его семьи. Мало кто знает, что мальчик находится под пристальным вниманием самого императора и его ближайшего помощника сэра Ирема. И уж точно никто не догадывается, что подростка безуспешно пытается найти тёмный маг Олварг, изгнанный из этого мира. Волей случая герой убегает из дому и выбирает себе имя Крикс – истинное своё имя, которое неумолимо влечёт его в череду приключений, опасностей и тянет за собой события, способные изменить ход истории.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	28
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Рэйда Линн

Истинное имя. Том 1

Глава 1

Утро начиналось неудачно.

Первый же пергамент оказался письмом Кайшера дан-Хавенрейма, правителя Нагорных королевств. Император развернул его, страдальчески поморщившись. Глаза привычно пробежали первые столбцы. Все как всегда: цветистые приветствия и вычурные финтифлюшки на заглавных буквах. По существу, послание могло бы уместиться на одной, самое большее – на двух четвертинах пергамента, но со всем парадным словоблудием занимало не меньше семи. К несчастью, варварские королевства Запада быстро перенимали у соседей их манеру обращения, доводя вежливость до приторной велеречивости. А впрочем, что с них взять... Откуда у подобных дикарей возьмется чувство меры? Они никогда не проявляют это качество ни за столом, ни на войне и остаются верными себе в политике.

Письменный стол императора был завален свитками: отчеты от наместников провинций, тайные послания правителей соседних государств, не говоря уже о «личной» переписке – в ней, конечно, тоже говорилось о политике. На чтение обычно уходило несколько часов. Валларикс мстительно подумал, что велит секретарю сочинить ответное письмо Кайшеру на десяти... нет, пятнадцати четвертинах. Доподлинно известно, что дан-Хавенрейм не утруждает себя чтением, а слушает, как это делают другие. Вот и замечательно. Чтецу нельзя доверять сокращать письмо по собственному усмотрению, так что придется выслушать все от начала до конца.

В первую минуту император даже не заметил шума за дверью – тем более, что его секретарь старался приглушать свой голос.

– Сэр рыцарь! Подождите. Император занят. Приказал, чтобы его не беспокоили... Мессер, вы меня слышите?..

Судя по нарастающей панике в голосе, письмоводитель очень мало верил в то, что человек, к которому он обращается, способен проявить благоразумие. Валларикс поднял голову, прислушиваясь к перепалке.

Он отметил, что дежурившие у дверей гвардейцы сохраняли полную невозмутимость. Если не учитывать возможность государственного переворота, то подобное бездействие охраны могло означать только одно.

– Никого не велено впускать! – продолжал возмущаться секретарь.

– Вот интересно будет посмотреть, как это ты меня «непустишь», – отозвались у самой двери. Не узнать голос мессера Ирема – как и саму манеру изъясняться – было бы довольно сложно.

Император отложил перо, глядя на дверь с некоторым нетерпением.

В следующую секунду створки распахнулись, пропуская в аулариум высокого мужчину в темно-синем, но уже порядком выцветшем плаще. Выглядел он молодо и был до безобразия хорош собой. Светлые волосы и коротко подстриженная бородка, а прежде всего – кожа, на которой даже к середине лета невозможно было отыскать ни следа загара, с первого же взгляда выдавали его каларийское происхождение. В прозрачно-серых глазах северянина поблескивали насмешливые искорки. Подавив тяжелый вздох, Валларикс успокоительно кивнул секретарю, расстроенное лицо которого маячило за плечом рыцаря.

– Не беспокойтесь, мэтр Эйген. Все в порядке. Мессер Ирем мне не помешает.

Рыцарь вошел в кабинет и, расстегнув серебряную фибулу, сбросил свой плащ на первое попавшееся кресло. Следом полетели потертые кожаные перчатки для верховой езды.

– Ваша прислуга меня доконает, государь, – сообщил гость преувеличенно серьезно, когда дверь за секретарем закрылась. – Стоит провести за пределами столицы несколько недель, как тебя уже готовы хватать за рукав и принуждать торчать под дверью. Если так пойдет и дальше, то я скоро начну сомневаться в том, что глава Ордена действительно имеет право входить к вам без доклада.

Валларикс не мог припомнить случая, чтобы сэр Ирем в чем-то сомневался, но спорить он не стал.

Рыцарь занял кресло по другую сторону стола, не дожидаясь дополнительного приглашения. Их дружба началась еще тогда, когда нынешний император был только наследником престола, и в отсутствие придворных они редко связывали себя придворным этикетом.

– Я рад, что ты вернулся, – искренне сказал Валларикс. В присутствии Ирема он всегда чувствовал себя как-то иначе. Возможно, более живым.

Любой другой человек на месте сэра Ирема наверняка рассыпался бы в благодарностях, но в этот раз в ответ на реплику правителя раздалось непочтительное хмыканье.

– Я сделал любопытное наблюдение. Всякий раз, когда вы начинаете с того, что рады меня видеть, это означает, что мне предстоит по меньшей мере сутки провести без сна. Или весь следующий месяц промотаться по провинции, – сообщил мессер Ирем, устраиваясь в кресле поудобнее и закидывая ногу на ногу. – Сейчас вы скажете, что у вас есть очередное поручение для Ордена, и что вы предпочли бы, чтобы этим поручением занялся лично я. Не так ли, государь?..

Валларикс пристально посмотрел на собеседника через широкий стол. В сущности, он хотел дать каларийцу отдохнуть хотя бы пару дней, но раз сэр Ирем в настроении шутить, то пусть пеняет на себя.

– Именно так.

– Я, как всегда, польщен вашим доверием, мой лорд, – под аккуратными усами рыцаря сверкнула белозубая улыбка. – Могу я узнать, что нужно будет сделать?

– Дело, в общем-то, не сложное, но поручить его кому-нибудь, кроме тебя, я не могу. Ты съездишь в Энмерри... ну, скажем, под предлогом нового набора рекрутов или сбора недоимок по налогам. А когда окажешься на месте, посмотришь, что творится в Приозерном, – сказал император, выделив последнее название особой интонацией.

Недавняя ленивая усмешка сразу же пропала с лица рыцаря.

– А что, у вас возникли основания для беспокойства?..

В первый раз с начала разговора Валларикс несколько смутился. Ирем был прагматиком. Когда он говорил об «основаниях», то подразумевал нечто абсолютно реальное. А смутная тревога, мучившая императора последнюю неделю, едва ли могла считаться уважительной причиной для того, чтобы отправить в захудалую провинцию главу имперской гвардии. Разумеется, приказ сэра Ирем выполнит с обычной добросовестностью, но не станет ли он думать, что его друг и сюзерен становится не в меру мнительным?..

– Если честно, ничего конкретного, – признался Валларикс, решив, что приводить какие-то надуманные доводы будет еще глупее. – Но времени прошло уже немало. Я хотел бы знать, как обстоят дела.

– Ты можешь несколько минут посидеть смирно? Я почти закончила.

– Ну ма-ам...

Фила вытянула нитку и сделала еще несколько стежков. И где он только умудряется все время рвать свои рубашки? Впрочем, Вали в таком возрасте тоже все время приходил домой в испачканной одежде и с разбитыми коленками. В этом плане все мальчишки одинаковы. Близнецам пока хватает места для игр за курятником и во дворе, но скоро они тоже станут удирать из дома и до самой ночи пропадать на озере или в лесу. А возвращаясь, сметать со стола все, что она успеет приготовить.

– Постарайся побережь рубашку до того, как высохнет другая. Я не успеваю штопать твои вещи, – с напускной суровостью сказала Филадельфия. Безмянненький покосился на нее из-под спутанной челки и, убедившись, что в действительности она даже и не думает сердиться, подкупающе открыто улыбнулся.

– Хорошо. А теперь можно, я пойду?

– Иди, – вздохнула Филадельфия.

Безмянненький вихрем вылетел за дверь. Филадельфия даже не успела попросить его на этот раз не опаздывать к ужину. Валиор всякий раз сердился, если кто-то из мальчишек приходил, когда семья уже сидела за столом.

Снова оставшись в одиночестве, Филадельфия в очередной раз пожалела, что среди четверых ее детей не было ни одной девочки, которая сидела бы с ней дома, когда остальные ее отпрыски с утра пораньше разбежались кто куда. Без них в хибарке на опушке леса было слишком тихо. Остальные женщины в деревне держались дружно, но они и жили рядом. Валиор же поселился на отшибе, и в каком-то отношении так и остался для деревни чужаком.

Филадельфия не могла отделаться от ощущения, что дети из деревни не особо жалуют ее ребят. В особенности Безмянненького. Валиор был уже достаточно взрослым, чтобы к нему опасались приставать. А близнецы, наоборот, еще не доросли до того, чтобы мальчишки взяли их в свою компанию. Каждый раз, когда ее средний сын возвращался с синяком на скуле или ссадинами на костяшках кулаков, Филадельфия гадала: были ли это следы обычных мальчишеских драк или следует уделить происходящему особое внимание? Но Безмянненький никогда не жаловался, и Филадельфия предпочитала делать вид, что ничего не замечает. Она по опыту знала, что если ее средний сын не хочет что-нибудь рассказывать, то, сколько ни расспрашивай, он будет только отворачиваться и упрямо хмурить брови. Валиор смотрел на это проще. Он считал, что мальчишке полезно уметь постоять за себя, и нужно предоставить Безмянненькому возможность научиться этому, не прячась за спиной у старших. Филадельфии иногда казалось, что ее муж просто предпочитает ни во что не вмешиваться.

Филадельфия достала из большой корзины возле очага несколько луковиц, быстро очистила одну и начала нарезать лук тонкими кольцами, прищурившись, чтобы едкий сок не жег глаза. К тому моменту, когда Валиор вернется с поля, нужно приготовить для него его любимую похлебку с сухарями. Мысли Филадельфии снова закрутились вокруг ежедневных дел, и беспокойство из-за Безмянненького было на время позабыто.

...Они поджидали его на опушке леса, и, как представлялось им самим, устроили отличную засаду. Но приемыш был настороже, поскольку ожидал чего-нибудь подобного.

На лице Каттинара, сына старосты, еще заметны были синяки от их последней драки, окончившейся для Каттины вполне бесславно, несмотря на то, что он был старше и сильнее своего противника. Сказать по правде, дрался Каттинар нечасто. Незачем единственному сыну старосты Каренна самому пускаться в ход кулаки, чтобы расправиться с обидчиком – и без того найдется, кому поучить нахала уму-разуму. Но даже в этом чаще всего не было необходимости, поскольку мало кто решался задевать Каттину.

Совсем другое дело – Безмянненький. Сирота из дома на отшибе, даже внешне не похожий на других мальчишек из деревни и за десять лет так и не ставший среди них своим, он должен был без передышки отвоевывать для себя право находиться в компании остальных, не превращаясь в вечную мишень для пересудов и насмешек. И если поначалу он частенько шел домой, весь перемазанный в пыли и сглатывая слезы, то со временем желающих подраться с ним заметно поубавилось. В недавней схватке с Каттинаром Безмянненький одержал великолепную победу, и остаток дня буквально упивался ощущением триумфа. Его радость омрачало только то, что драка, начатая сыном старосты в лесу, происходила без свидетелей. Хотя, возможно, если бы он побил Каттинара на глазах у остальных мальчишек из деревни, то расплата наступила бы гораздо раньше.

Безымянный понимал, что рано или поздно Каттинар подстережет его в каком-нибудь укромном месте – и, конечно, не один, а со всей сворой своих прихвостней. Последние два дня приемыш чувствовал себя в деревне, будто в осажденном городе, и нервно оборачивался на любой случайный шорох.

Это его и спасло. Во всяком случае, попытка незаметно окружить его дружка Катти не удалась. Приемыш вовремя заметил их и замер в напряженной позе, в равной степени готовый драться или убежать. При этом он привычно вскинул подбородок вверх, хотя и знал, что этот жест безмерно раздражает деревенских жителей – что сверстников Катти, что взрослых. Даже Валиор время от времени ворчал, что Безымянный так и будет получать по шее, если не перестанет постоянно задирает перед другими свой чумазый нос.

С первого взгляда на участников засады Безымянный оценил свое положение как «крайне паршивое». Мальчишек было шестеро, и среди них – ни одного, хоть сколько-нибудь расположенного к Безымянному. С Каттинаром, как обычно, пришли Вено, Хельме, рыжий Скай и Ленс – худой нескладный парень, бывший на голову выше остальных. Новым лицом в этой компании был только Барл – почти ровесник Безымянного, донельзя гордый тем, что старшие позволили ему к ним присоединиться. Он был преисполнен воодушевления и жаждал доказать, что Каттинар и Ленс в нем не ошиблись. На его сочувствие рассчитывать тем более не приходилось.

Ну и, разумеется, здесь же торчал и сам Катти. На его бледной и одутловатой физиономии любые синяки держались долго, и сейчас Безымянный не без тайного злорадства скользнул по сыну старосты глазами. Два последних дня Катти не появлялся ни на озере, ни на площадке за амбарами – должно быть, не хотел показываться на глаза своим друзьям в таком плачевном виде. Впрочем, он и в остальное время не был писаным красавцем. Безымянный дерзко утверждал, что Каттинар похож на перекормленного поросенка, но, пожалуй, это было преувеличением. В действительности у Катти было вполне обычное, вечно надутое лицо с заметно оттопыренной нижней губой, жесткие рыжеватые волосы и серые глаза. По-настоящему отвратным это лицо становилось только в те минуты, когда Каттинар глумливо улыбался, глядя на свою очередную жертву. Как сейчас.

– Смотрите, кто пришел!.. – елеиным голосом пропел Катти. – Я был уверен, что ты еще прячешься у матери под юбкой.

– А я был уверен, что ты все еще сидишь и делаешь свинцовые примочки, чтобы синяки сошли побыстрее, – храбро отозвался Безымянный. Неприятностей ему так и так не избежать, а радовать Катти своим испугом он не собирался.

– Думаешь, ты очень умный, да? – прищурился сын старосты. – И очень смелый... до тех пор, пока тебя никто не трогает. Но это мы сейчас исправим. Давай, Рыжий!..

Повинуясь жесту Каттинара, Скай подскочил к Безымянному, чтобы схватить его за локти, но приемыш ловко извернулся, с силой оттолкнул его и бросился бежать. Скай, получивший локтем в подбородок, ошалело заморгал, а остальные замерли на месте, провожая взглядами мелькающую за деревьями фигуру Безымянного.

– Чего уставились?! За ним! – скомандовал Катти осипшим от досады голосом. Опомнившись, мальчишки бросились в погоню.

– Он бежит к болоту!.. – крикнул кто-то на бегу, то ли указывая путь, то ли, наоборот, пытаясь призвать остальных к благоразумию.

– Быстрее! – приказал Катти, а щуплый Барл с восторгом подхватил:

– Бей приемыша!..

Подобный клич звучал в этом лесу уже не в первый раз. Беглец стремглав несся через Жабью топь, не обращая внимания на то, что почва проседает под ногами, а из земли при каждом шаге выступает коричневая болотная вода. Приемыш давно знал эти места и был уве-

рен, что сумеет выбраться. Босые ноги почти не касались прелых листьев и лесного мха. Мальчишки из деревни постепенно отставали.

Он не успел понять, что с ним произошло, когда на бегу зацепился ступней за золотисто-черную корягу. Земля внезапно бросилась ему навстречу, и приемыш выставил вперед ладони, чтобы хоть чуть-чуть смягчить падение. Перекатившись по сырой траве, Безымянный вскочил и хотел было снова броситься бежать, но при первом же шаге подвернутую при падении ступню пронзила такая боль, что он невольно вскрикнул.

Но сильнее боли оказался ужас от сознания того, что теперь его обязательно догонят. Безымянный закусил губу и, припадая на больную ногу, побежал вперед.

– Эй, приемыш, стой!.. Все равно никуда теперь не денешься!

– Ты трус! Только и умеешь, что убежать и прятаться!

«А вы только и умеете, что вшестером нападать на одного», – парировал приемыш про себя, не тратя сил и времени на ответные выкрики.

Впереди начиналась самая опасная часть болот, отрезавшая Чернолесье от Старой дороги, ведущей на север, к ближайшему городу. Раньше Безымянный никогда не осмеливался заходить так далеко, но сегодня у него не оставалось выбора. Либо остановиться и позволить Каттинару и его друзьям в очередной раз изукрасить его синяками, либо надеяться, что у них не хватит смелости сунуться за ним в самое сердце Жабьей топи.

В азарте погони Каттинар с друзьями продвинулись уже гораздо дальше, чем обычно позволял им здравый смысл. Они попробовали последовать за Безымянным, перескакивая с кочки на кочку, но хлюпавшая под ногами жижа скоро остудила даже самые горячие головы, и преследователи остановились. Вид у них был недовольный и растерянный.

– Пошли отсюда, – мрачно сказал Каттинар. И, посмотрев на место, где исчез приемыш, сплюнул себе под ноги: – Никуда он не денется. Нельзя вечно отсиживаться на болоте.

Весь остаток дня друзья Катти поглядывали в сторону Жабьей топи – сперва равнодушно, потом с нарастающей тревогой. К тому времени, когда настало время расходиться по домам, наивный Барл озвучил мучивший всех остальных вопрос:

– А что, если он попытался пройти всю топь насквозь и выбраться на Старую дорогу?.. – спросил он, не обращая ни к кому в отдельности.

– Ты что, сдурел? – мгновенно разозлился Каттинар, которому такая мысль пришла в голову гораздо раньше, чем другим. – Оттуда ни за что не доберешься до дороги. Через то болото невозможно перейти!

Барл испуганно замолк, и на какое-то мгновение казалось, что мятеж подавлен, но тут в разговор вмешался Скай.

– А если Безымянный все-таки попробовал?..

– Тогда он утонул! – в сердцах ответил Каттинар.

В наступившей тишине мальчишки стали беспокойно переглядываться. Одно дело – погоняться за приемышем по лесу или надавать ему по шее, и совсем другое – оказаться виновниками его смерти.

– Мы тут ни при чем, – решительно сказал Катти, и в его голосе послышались угрожающие нотки. – Не вздумайте всем растрезвонить, будто мы загнали его на болото, а он там пропал! Вы тут болтаете всякую ерунду, а Безымянный, может быть, уже давно в деревне. Ну а если... если даже он и на болоте, то никто не заставлял его туда ходить.

Мысль о том, что Безымянный мог погибнуть, вызвала у Катти одновременно страх, раскаяние и досаду. Но досады было больше. Почему он должен отвечать за то, что этому болвану вздумалось искать убежища в таком опасном месте?..

– Нас ведь спросят, когда мы в последний раз встречали Безымянного! – не унимался Скай. – И что нам говорить?

– Скажите, что сегодня вообще его не видели. Или... или нет, постойте. У меня блестящая идея! – Каттинар самодовольно улыбнулся. – Если Безмянный не вернется, то его начнут искать. Тогда мы скажем, что еще неделю назад слышали, будто он собирался сбежать из дома, а сегодня видели его в лесу, когда он вынимал из тайника в дупле какие-то припасы. И никто ничего не узнает! Только слушайте меня.

– Но это подло! – возмутился Скай.

– Ах, подло?.. – прошипел Катти. – Хочешь сказать всю правду, чтобы Филя начала вопить, что мы убили ее драгоценного сыночка?.. Интересно, что на это скажет твой отец!

Все мальчишки знали, что отец Скай отличался крутым нравом, и чуть что – устраивал наследнику очередную взбучку. И если мелочь, вроде украденной из дома рыболовной снасти, стоила хорошей порки, то не приходилось сомневаться, что после истории с Безмянным Скаю тем более придется туго.

– Просто делайте, что я скажу, и все будет в порядке, – настойчиво повторил Катти.

Скай еще чуть-чуть помедлил, но в конце концов кивнул. Все остальные тоже поддержали сына старосты в надежде, что когда они придут в деревню, Безмянный будет уже дома.

Но приемыш не вернулся.

Безмянный сидел на стволе наполовину затонувшего дерева и гадал, придет ли кто-нибудь ему на помощь. Он старался заглушить растущий страх, но ничего не мог с собой поделать. Вешки, отмечающие безопасный путь через болото, обрывались чуть ли не за четверть стае от дороги. Вряд ли кто-нибудь из жителей деревни заходил так далеко, как Безмянный, тщательно исследовавший местные болота еще прошлым летом, но на этот раз он оказался в совершенно незнакомой части Топи.

Даже при свете дня это было довольно зловещее место: полусгнившие стволы деревьев, срубленных когда-то, в незапамятные времена, когда здесь еще не было болота, громоздились друг на друга, там и сям чернели заводи темной болотной воды, а земля при каждом шаге проседала под ногами. Безмянный даже охнуть не успел, когда провалился в трясину по грудь. Он отчаянно барахтался, но только увязал все глубже. Выручило его только то, что ему удалось схватиться за скользкий ствол поваленного дерева и после нескольких отчаянных усилий, наконец, взобраться на него. Теперь он с тоской смотрел на берег, но не решался расстаться со своим убежищем, чтобы добраться до твердой земли – было слишком уж ясно, что второй попытки у него не будет.

В августе темнеет поздно, и сгустившиеся над болотом сумерки показывали, что прошло уже несколько часов с того момента, как он должен был вернуться. Валиор начнет расспрашивать о нем, узнает, что приемыша видели на болоте, и поймет, что он попал в беду.

Правда, приемыш точно знал, что Валиор его не любит, но таков уж был характер Валиора. Если бывший стражник вообще кого-нибудь любил, то разве что жену и Вали. К близнецам он был довольно-таки безразличен, а приемыша и вовсе едва замечал – за исключением тех случаев, когда тот успевал что-нибудь натворить. И, тем не менее, Валиор ни за что не стал бы сидеть дома, если бы узнал, что с ним случилось. А мама – та и вовсе подняла бы на ноги всю деревню и не успокоилась бы до тех пор, пока его не отыскали. Почему же никто не идет?..

Последняя мысль была явно лишней. Самообладание Безмянного дало трещину, и он почувствовал, как в носу противно зашипало. Вот не хватало только разреветься от полнейшего бессилия и жалости к себе!.. Безмянный свесил ноги, поболтал босыми ступнями в зеленоватой болотной воде – сейчас она казалась теплой, потому что с наступлением сумерек в лесу похолодало – и приказал себе успокоиться. Должна быть какая-то причина, по которой помощь задержалась, но за ним обязательно придут, поскольку по-другому просто быть не может.

Каттинар не меньше часа прослонялся возле хижины, стоящей на отшибе. Безмянный так и не вернулся, и Катти окончательно удостоверился, что первая догадка Барла соответство-

вала истине. По-видимому, этот идиот действительно решил пройти через всю Жабью Топь. За что и поплатился.

Каттинар старательно гнал от себя видение, в котором Безымянный из последних сил пытался выбраться на берег и напрасно звал на помощь до тех пор, пока не захлебывался затхлой тинистой водой. Эта картинка всякий раз вставала перед глазами у Катти так ярко и отчетливо, как будто бы он видел это наяву, и тогда по коже пробегал озноб. Никогда в жизни сыну старосты не было так страшно. Думалось о том, что Безымянный, умерший такой нечистой смертью, чего доброго, в очередное полнолуние вернется к ним в деревню уже в виде выжлеца – страшного, посиневшего, облепленного с ног до головы болотной тиной. И потребует отдать ему обидчиков, из-за которых утонул в болоте.

Перепуганный собственным вымыслом Катти едва не заскулил от страха. Но в это самое мгновение дверь дома скрипнула, и этот звук заставил мальчика прийти в себя.

Хижину он сторожил не просто так, а для того, чтобы Валиор не пошел искать приемыша в деревне и не встретил там кого-нибудь из тех, кто был в лесу. Катти не доверял своим друзьям. Стоило хорошенько поднажать на Ленса или Барла, и они расскажут все, как было. Струсят. Да еще все свалят на него – мол, это Каттинар велел догнать приемыша. А Скай – тот, чего доброго, опять расхнычется о том, что это подло и что следует во всем признаться. Паршивый чистоплюй.

Катти решил взять дело в свои руки и не допустить, чтобы история о Безымянном выплыла на свет.

Приземистый и коренастый Валиор, хромая, вышел на крыльцо и пересек маленький дворик, огороженный покосившейся изгородью. Лицо его выражало крайнюю степень недовольства. Он остановился у калитки и нетерпеливо огляделся, словно ожидая, что приемный сын вот-вот покажется за мельниковым домом или выйдет на опушку леса, примыкавшего почти вплотную к хижине. Безымянного он не увидел, зато обнаружил сына старосты, делавшего вид, что он слоняется здесь просто от безделья.

– Эй ты! Поди сюда, – довольно резко велел он. Впрочем, голос у бывшего стражника был хриплым и грубым от природы, и изобразить любезность ему было бы сложнее, чем протанцевать с больной ногой кароль.

Внутренне обмирая от волнения, Катти приблизился к нему.

– Ты Безымянного не видел? – хмуро спросил Валиор.

– А разве он не дома?.. – притворно удивился Каттинар, сцепив руки за спиной из опасения, что они начнут дрожать.

– Будь он дома, я бы тебя не спрашивал, – отрезал Валиор. – Нет, он снова где-то шляется. Не знаешь, где он может быть?

– Мы... – в горле у Катти внезапно пересохло. Он сглотнул. – Мы с Ленсом видели его в лесу. Даже спросили, куда он идет, а он сказал, чтобы мы не совали нос не в свое дело. А потом ушел. Мне кажется...

Валиор подался вперед. Похоже, от волнения Катти говорил тише, чем обычно. На лице собеседника читалось нескрываемое раздражение.

– Что ты там мямлишь?..

– Мне кажется, он убежал из дома! – выпалил сын старосты.

– Что значит «убежал»?! – широкое, скуластое лицо бывшего стражника побагровело, так что тянувшийся через всю щеку шрам стал почти черным. Каттинар невольно сделал шаг назад. – А ну-ка быстро говори, что ты об этом знаешь!

– Да я ничего толком не знаю, – тут же пошел на попятный Каттинар. – Просто Безымянный как-то раз похвастался, что скоро его здесь не будет – он, мол, пойдет в Энмерри и поступит там в ученики. Мы с Ленсом видели, как он таскает в лес еду и прячет ее там. Я думаю, что

он забрал ее с собой, когда ушел сегодня утром, – поначалу язык у Катти едва ворочался, но потом дело пошло поживее. Все-таки не зря он битый час раздумывал над «доказательствами».

Валиор сверлил Катти тяжелым взглядом. Каттинар уже успел подумать, что он не поверил ему и сейчас начнет допытываться, что произошло с приемышем на самом деле – от одной мысли об этом его прошиб холодный пот, – но бывший стражник ограничился вопросом:

– Где вы видели его в последний раз?

– Недалеко отсюда. На развилке у опушки леса.

– И куда он направлялся?

– В сторону Старой дороги.

Валиор витиевато выругался.

– Значит, уже дошел до Белого ручья, а то и до Горелой балки, – подытожил он. – Сейчас уже темно, а он, конечно же, не заночует прямо на дороге. Тьфу ты!.. Завтра утром одолжу у Сура лошадь и поеду в город. Надо разыскать паршивца и вернуть его назад. Ну, он у меня еще получит!..

Каттинар незаметно перевел дыхание. Валиор ему поверил. Правда, завтра он поедет в город, и, конечно, никакого Безымянного там не найдет. Но ведь причина, по которой тот не смог добраться до Энмерри, может быть какой угодно. В любом случае, за это спрос уж точно не с него и не с его друзей.

Катти заставил себя выкинуть из головы мысль о приемыше, увязающем в трясине и отчаянно колотящем руками по воде. «Пусть так. Но это все равно давно закончилось, – сказал себе Катти. – И самым лучшим будет побыстрее обо всем забыть».

Может быть, они отправятся на поиски завтра утром, – думал Безымянный, стиснув зубы, чтобы не стучали – этот клацающий звук напоминал ему о том, что он замерз, чудовищно устал, и тело одеревенело от долгого сидения на одном месте. Ночью на болоте проще утонуть, чем выручить попавшего в беду. Он сам на их месте тоже подождал бы, пока рассветет...

Глаза у Безымянного слипались, потому он боялся, что уснет и свалится с бревна. Но этот страх был далеко не самым сильным.

Безымянному уже случалось ночевать в лесу, но одно дело – засыпать у догорающего костра, когда над головой качаются развесистые лапы старых елей, и совсем другое – сидеть одному в кромешной темноте, держась за влажное, противно-скользящее бревно. Сейчас он был бы рад услышать даже жутковатое уханье совы, но на болоте было тихо, очень тихо. Только иногда он слышал чавкающие звуки, как будто кто-то невидимый шел прямо к нему через топь, и тогда мальчик чувствовал, как все внутри него сжимается от ужаса. Крестьяне, обходившие эту часть леса стороной, с особым удовольствием пугали друг друга страшными историями о болотах, и приемыш в свое время наслушался их вполне достаточно. Сейчас память услужливо подсовывала ему самые душераздирающие куски этих бесчисленных рассказов.

Чтобы отвлечься, Безымянный принялся насвистывать и так увлекся, что почти забыл, где он находится. Во всяком случае, так было до того момента, пока Безымянному не показалось, что он слышит приглушенный стук копыт. Сердце сразу забило вчетверо быстрее, чем обычно. Может быть, даже быстрее, чем с утра, когда он удирал от Каттинара и его дружков. Приемыш резко оборвал мотив пастушьей песни, которой только что пытался подражать, и замер, пытаясь понять, был ли этот звук только плодом его воображения или по Старой дороге в самом деле кто-то ехал. Несколько секунд спустя ему почудилось, что он слышит конское ржание.

Мальчик набрал в легкие воздуха и закричал:

– Помогите!.. По-мо-ги-те мне! Я здесь!..

Если он слышит их коней, значит, дорога совсем близко. Кто бы они ни были, они должны его услышать. Перед глазами уже вспыхивали алые круги, но Безымянный продолжал кричать:

– Сюда! На помощь!..

Он догадывался, что эти люди не имеют ничего общего с жителями их деревни – они ехали со стороны Энмерри, в то время как крестьяне, если бы они отправились на поиски, пришли бы с противоположной стороны и, разумеется, пешком. Но в тот момент ему было плевать на то, кем могут оказаться эти всадники. Ему хотелось только одного: чтобы его услышали и вытащили из болота.

Безымянному почудилось, будто со стороны дороги кто-то закричал ему в ответ. Он замолчал, чтобы проверить эту догадку.

– Мы...же...дем!..жись! – чуть слышно донеслось до Безымянного. Кричал мужчина.

Только тут приемыш сообразил, что, немного отойдя от тракта, его добровольные помощники окажутся в самой опасной части топи. Если они прибыли издалека, то могут и не знать об этом. От мысли, что он только что, возможно, заманил в смертельную ловушку сразу несколько человек, волосы на голове у приемыша встали дыбом.

– Стойте! Там болото! – завопил он, привставая на бревне. – Я не знаю, как сюда добраться! Здесь кругом трясины! Топь!!

Откричавшись, он прислушался. В ответ не донеслось ни звука.

Сердце у приемыша тоскливо сжалось. Если неизвестные решат не рисковать и повернут назад, ему конец.

Несколько минут он напряженно вслушивался в тишину, а потом, не удержавшись, крикнул:

– Ээээй!

– Мы скоро будем, – крикнул тот же голос, но уже гораздо ближе. – Сколько ты еще сумеешь продержаться?..

– Сколько угодно! – отозвался Безымянный, не в силах скрыть радости в голосе.

Вскоре он различил невдалеке свет факела, и сердце радостно заколотилось. Помощь была совсем рядом. Именно теперь ему совсем нехоти вспомнились пересуды взрослых, обсуждавших появление в Энмерри заезжих работорговцев. Говорили, что отсюда они следуют ко Внутриморью, где даже имперскими законами до сих пор не удалось искоренить работорговлю, и попутно по дешевке скупают у распорядителей каменоломен осужденных на каторжные работы, а еще воруют у крестьян детей. Если обещанная помощь исходила от кого-то вроде них, то они увезут его с собой и где-нибудь за тридевять земель отсюда продадут первому подвернувшемуся перекупщику. Однако сильно испугаться этой мысли Безымянному не удалось, поскольку даже оказаться в рабстве было лучше, чем остаться здесь.

Идущий впереди мужчина остановился на краю трясины и, подняв повыше факел, нашел взглядом Безымянного. Приемыш, в свою очередь, не отрываясь смотрел на незнакомца. Зрелище и вправду было необычным. Выглядел мужчина так, как будто бы стоял не на зловеще проседающей болотной почве, а на пьедестале. Красноватый отблеск факела падал на растрепанные светлые волосы незнакомца, аккуратную короткую бородку и плечо, обтянутое коричневой дорожной курткой.

– Значит, это ты кричал, – заметил он, и Безымянный узнал голос человека, отвечавшего ему до этого, хотя теперь мужчина говорил, не повышая голоса. – Сейчас мы тебя вытащим, – пообещал он мальчику и обратился к своим спутникам: – Дайте-ка мне веревку.

Безымянный уже понял, что среди этих четырех мужчин его собеседник был главным, но он все равно немного удивился, с какой поспешностью они выполнили его распоряжение и принялись привязывать один конец веревки к невысокому кривому дереву, растущему на острове твердой земли.

Тем временем светловолосый передал кому-то факел и снова повернулся к Безымянному.

– Лови, – предупредил он, прежде чем перебросить на бревно другой конец веревки.

Первые четыре раза Безымянный не поймал. Отчасти потому, что онемевшие от долгого сидения на дереве конечности почти не слушались, отчасти – потому что расстояние не поз-

воляло незнакомцу забросить веревку достаточно далеко. Каждую неудачу тот сопровождал выразительными комментариями сквозь зубы, но было не похоже, что они выводят его из себя. Протащив веревку по воде, он как ни в чем ни бывало повторял свою попытку, и на пятый раз приемыш наконец схватил намокший, измочаленный конец.

– Привязывай, – распорядился незнакомец. – И постарайся затянуть покрепче.

Мальчик так и сделал. На всякий случай он обмотал веревку вокруг ствола несколько раз, и, наклонившись над бревном, завязал несколько хитрых узлов, подсмотренных у Валиора. Мокрая веревка натянулась, и мужчина, проверив ее прочность, остался доволен результатом.

Безымянный даже не успел подумать, что теперь он мог бы попытаться добраться до берега, как его помощник сам направился к нему, провалившись сперва по колено, а потом – по пояс.

– Посветите мне! – бросил он через плечо оставшимся на берегу.

– Может, вам помочь, сэр Ирем? – встревоженно спросил один из его спутников, насчет которого Безымянный не был до конца уверен – относить его к разряду взрослых или все-таки не относить?.. На вид этому парню было лет семнадцать.

– Ни в коем случае. Стой, где стоишь, Эрлано! – быстро, даже слишком быстро, отозвался незнакомец, только что поименованный «сэром Иремом». И пробормотал себе под нос: – Вот не хватало мне еще вытаскивать отсюда вас обоих...

Несмотря на беспокойство, Безымянный еле удержался от улыбки. И только потом подумал, что, судя по почтительным манерам остальных, этот сэр Ирем был какой-то важной птицей.

Мужчина остановился на расстоянии протянутой руки и без лишних церемоний снял Безымянного с бревна. У приемыша даже не хватило сил возмутиться, что с ним обращаются, как с маленьким ребенком.

– Я могу идти сам, – заметил он, но Ирем пропустил его слова мимо ушей. Он шел с трудом, но явно не из-за того, что теперь ему приходилось нести Безымянного. Вода теперь доходила ему до ребер, и приемыш, содрогнувшись, вспомнил, что под ними, по сути, нет дна – только вязкая трясина. Очень может быть, что если бы светловолосый не держался за веревку, он давно провалился бы с головой.

Тут Безымянный впервые спросил себя: с какой, собственно, стати этот незнакомый человек рискует своей жизнью, чтобы его выручить?

Когда они приблизились к берегу, сразу три пары рук протянулись, чтобы помочь им, но в этом уже не было необходимости. Ирем отпустил приемыша и несколько секунд стоял, переводя дыхание. С его промокшей насквозь одежды струйками текла вода.

– Все. Идем назад, – скомандовал он, наконец.

Обратный путь приемышу запомнился намного хуже. Они продвигались вперед с невероятными предосторожностями, всякий раз проверяя прочность почвы перед тем, как сделать шаг. Впереди снова шел сэр Ирем, а Безымянному велели идти прямо за ним, чтобы все время оставаться на виду. После недавнего падения в лесу он все еще прихрамывал, но боль в ступне немного поутихла. А может быть, все его чувства просто притупились от усталости. Приемыш еле держался на ногах, время от времени тер пальцами глаза, чтобы прогнать сонливость, и гадал, кем же на самом деле были эти четверо мужчин.

Очевидно, те, кто пошел за ним на болото, составляли только часть отряда, ехавшего по Старой дороге, потому что кто-то еще должен был остаться с лошадьми. Это приемыш понимал и так. Но то, что он увидел, когда они вышли на дорогу, превзошло все его ожидания. Чужаков было не меньше дюжины. Бородатые мужчины на конях носили форму энмеррийской стражи. Валиор, когда-то в незапамятные времена служивший в крепости Четырех дубов, хранил на чердаке такую же коричневую стеганую куртку с вышитыми на груди стрелой и желудем. Из

рассказов приемного отца следовало, что обычно ее надевали под кольчугу, но на всадниках доспехов не было.

Надо сказать, что если Безымянный увлеченно рассматривал незнакомцев, то и они во все глаза смотрели на него – должно быть, недоумевая, что он делает в ночном лесу. Приеммыш сам не замечал, что весь дрожит.

– Эрлано, плащ и флягу, – коротко распорядился Ирем. Безымянный оглянуться не успел, как ему на плечи набросили тяжелый темно-синий плащ, под которым легко уместились бы еще двое таких, как он, а тот, которого сэр Ирем называл Эрлано, вынудил его сделать несколько глотков из принесенной фляжки. Безымянный думал, что это вино, но напиток из фляги был гораздо крепче. Первый же глоток обжег ему язык и горло, но зато по телу прокатилась волна приятного тепла. Приеммышу внезапно захотелось лечь прямо на землю, закутаться в плащ и заснуть.

– Это он кричал, мессер? – не утерпел один из стражников.

– Да, он. Похоже, чуть не утонул в болоте, – отозвался Ирем. – Как ты вообще туда попал?

Последний вопрос был адресован Безымянному. Тот сразу вспомнил про засаду на лесной тропинке, свой короткий разговор с Катти и долгую погоню на болоте. Рассказать эту историю толпе чужих людей казалось совершенно невозможным.

– Случайно, – ляпнул Безымянный первое, что пришло в голову.

Сэр Ирем хмыкнул, но, к большому облегчению приемыша, выяснять подробности не стал, а вместо этого спросил:

– Где ты живешь?

– В Приозерном. Это в паре часов пути отсюда, – пояснил приеммыш, но потом подумал, что про «пару часов пути» он сказал зря – это ему, пешком, с подвернутой ногой, придетсяковылять не меньше двух часов, а всадники на отдохнувших лошадях доедут очень быстро.

Ирем слегка нахмурился.

– А кто твои родители? Они не знают, где ты?

– Нет... я думаю, не знают. Валиор бы постарался меня выручить.

– Валиор – это твой отец?..

– Приемный.

– А-а. Ты, значит, сирота, – задумчиво сказал сэр Ирем, то ли отвечая Безымянному, то ли додумывая про себя какую-то невысказанную мысль. – Клянусь короной Кметрика!.. Не очень-то заботливы твои приемные родители, если ты оказался здесь совсем один, да еще и в такое время. Я забыл спросить, как тебя звать?

Безымянный растерялся. До сих пор никто не задавал ему подобного вопроса, и сейчас ему впервые пришло в голову, как странно должен прозвучать его ответ.

– Никак. Меня все называют Безымянным, – сказал он и счел необходимым пояснить: – Это потому, что я бастард. Валиор говорит, что если дать мне имя – оно все равно будет не настоящее.

– Понятно, – процедил сэр Ирем. Он прищурился, и взгляд светло-серых глаз внезапно стал холодным, даже злым. Стоявший рядом с Иремом Эрлано, наоборот, смотрел на мальчика со странным выражением сочувствия.

– Эрлано, подсади его в седло, – распорядился Ирем. И повернулся к Безымянному: – Сейчас мы едем к Белому ручью, но уже завтра около полудня будем в Приозерном. Можем завезти тебя домой.

– Нет, – воспротивился приеммыш, стараясь не думать о том, как соблазнительно было бы появиться у ворот деревни, сидя на коне, вместе с отрядом энмеррийских всадников. – Мне надо вернуться побыстрее.

– Почему?

Приеммыш покраснел, но все-таки ответил правду.

– Мама будет очень беспокоиться.

К его удивлению, никто не засмеялся.

– Ладно, довезем тебя до Белого ручья, – кивнул сэр Ирем. – Садись к Эрлано.

Юноша помог Безымянному устроиться на конском крупе и посоветовал держался за его пояс, чтобы не упасть. Приеммыш сразу позабыл, что он едва не утонул в болоте, умирает от усталости и ничего не ел аж с самого утра. При мысли о предстоящей поездке все внутри сжималось от восторга. Лошадей имели только самые состоятельные жители деревни, и скорее посреди зимы случилась бы гроза, чем Сур или Каренн позволили бы Безымянному сесть на одну из них. А сейчас он сидел на коне, и на каком коне! Мохноногие и невысокие лошадки из деревни по сравнению с ним казались неуклюжими, как мулы.

Поколебавшись, Безымянный рассудил, что Эрлано, который был всего на шесть или семь лет старше его самого, можно задать вопрос о том, что занимало его мысли.

– Кто такой этот сэр Ирем? – тихо спросил он.

Эрлано покровительственно усмехнулся.

– Рыцарь, разумеется. А вообще-то правильнее было бы «лорд Ирем», потому что он глава имперской гвардии и коадьютор императора.

Безымянный выразительно присвистнул. Правда, он впервые слышал о существовании подобных титулов и дорого бы дал, чтобы узнать, что значит слово «коадьютор», но это не помешало ему оценить, насколько знатным человеком оказался этот Ирем.

– Я тоже рыцарь Ордена и заодно – оруженосец лорда Ирема, – пояснил его собеседник таким тоном, словно говорил «я – император».

Безымянному очень хотелось бы узнать об Ордене побольше, но задать попутчику очередной вопрос он просто не успел. Ирем взмахнул хлыстом над крупом своего коня, тот с места взял в галоп, а вслед за ним помчались остальные лошади. Приеммыш больно прикусил себе язык и судорожно обхватил Эрлано вокруг талии, чтобы удержаться на коне.

Если бы не стук копыт, Безымянный бы поверил, что он просто плывет над землей, пока по обе стороны от него со страшной скоростью мелькают темные деревья. За факелом в руке у ехавшего рядом всадника тянулся шлейф из рыжих искр.

Темнота понемногу рассеивалась. Было уже около четырех часов утра.

– Ты точно доберешься до деревни в одиночку? – озабоченно спросил Эрлано, ссаживая его возле поворота к Белому ручью.

Безымянный заверил, что с ним все будет хорошо, и медленно побрел вперед, стараясь легче наступать на правую ступню. Щиколотка здорово распухла, и каждый шаг отдавался в ней ноющей болью. Но приеммышу было все равно. Он предвкушал, как удивятся дома, когда он вернется и расскажет об отряде всадников.

Когда он дошел до окраины деревни, уже рассвело. Над озером висел туман, но небо на востоке было золотистым, утренним. Приеммыш даже позабыл об изнуряющей усталости и о больной ноге и с легкостью перескочил ветшающую изгородь.

– Валиор! Мама!.. Я вернулся! – крикнул он, барабаня в дверь, закрытую на щеколду с внутренней стороны.

Он ожидал, что дверь откроет Фила, но вместо нее на пороге дома появился одетый в поношенную старую рубаху и явно не выспавшийся Валиор. Его волосы и борода были вклокочены, глаза налились кровью, как будто накануне он весь вечер пил, а после этого не спал до самого утра.

– Вернулся, значит, – медленно сказал он и внезапно крепко ухватил приеммыш за шиворот. – Ну что, раздумал убежать из дома?.. Негодяй! Думаешь, мы должны плясать от радости из-за того, что ты замерз, проголодался и пришел назад?

Приеммыш широко раскрыл глаза от изумления.

– А разве вы не беспокоились из-за того, что я пропал?..

– Не беспокоились? Ну, ты наглец, – процедил Валиор сквозь зубы. – Каттинар еще вчера мне рассказал, что ты решил сбежать. Я собирался утром ехать за тобой в Энмерри.

– Каттинар сказал, что я сбежал из дома? – повторил приемыш, вспыхнув от негодования. – Он все наврал!.. Они загнали меня на болото к северу от Жабьей топи, и я там чуть не утонул! Я ждал, что кто-нибудь придет меня искать, а вы, выходит, даже ничего не знали... Я его убью. И Ская с Ленсом тоже! Вот подонки!

Безымянный так разошелся, что даже забыл, кто его слушает. Но Валиор не сделал ему никакого замечания. Он разжал пальцы, отпуская ворот Безымянного, и буркнул:

– На болото, значит?.. Ладно, я все выясню. Если не врешь, то Каттинару за такие выходки действительно не поздоровится. Я сам этим займусь. А как ты выбрался оттуда?

Приемыш сразу позабыл о сыне старосты.

– Мне помогли... Там были всадники. Пара десятков человек. Они довели меня до Белого ручья и пообещали сегодня же приехать к нам в деревню.

Если Безымянный в глубине души рассчитывал произвести на Валиора впечатление, то это ему удалось. Тот моментально подобрался, взгляд стал жестким и серьезным.

– Ты их разглядел? Это наемники?

– Нет. Это стражники, – успокоительно ответил Безымянный. – У них на одежде вышита эмблема энмеррийской крепости. А их предводитель – коар?... Кор... Ну, в общем, рыцарь. Остальные обращаются к нему «сэр Ирем».

– Ирем, Ирем... уж не тот ли это Ирем, о котором столько говорили после коронации Валларикса? – пробормотал Валиор, наморщив лоб. – Да нет, не может быть. Тот никогда бы не приехал в Чернолесье. Что ему здесь делать!

Безымянный прислушивался к его речи, сгорая от любопытства, но ничего толком не узнал, поскольку Валиор отвлекся и велел:

– Иди, умойся. Мать совсем измучилась и спит – даже не слышала, как ты тут грохотал. Но, думаю, она не будет возражать, если ты ее разбудишь. Я пойду к Каренну, расскажу ему об этих всадниках. А заодно поговорим о том, что творит его сынок...

Безымянный кивнул и, прихрамывая, подошел к разохшейся дубовой бочке, где собиралась дождевая вода. Холодное умывание его немного освежило. Он намеревался наскоро позавтракать, а потом чуть-чуть поспать, но чувствовал, что еще прежде Филя вытянет из него все подробности его недавних походов. В отличие от Валиора, которого интересовали только всадники, она будет охать и ахать, представляя, как ее приемный сын несколько часов просидел на болоте, а Безымянный станет скромно уверять ее, что она преувеличивает, и на самом деле там было не так уж страшно.

«Вот это сон!» – подумал Безымянный, оттягивая тот момент, когда нужно будет открыть глаза и встать, окончательно отрезав себя от ночного приключения. Он перевернулся на спину и сладко потянулся.

В доме было слишком тихо. Почему-то рядом не возились близнецы, и Филя не требовала встать и сбежать за водой или за хворостом. Сквозь распахнутые ставни в комнату лился солнечный свет, который пробивался даже через сомкнутые веки Безымянного. Пахло свежими оладьями, но завтрак никто не звал.

Мальчик открыл глаза и обнаружил, что в доме действительно нет никого, кроме него. Только под потолком с назойливым жужжанием металась муха.

Безымянный начал понимать, что яркий и сумбурный сон про всадников, болото и скачку галопом по ночному лесу вовсе не был сном. Он припомнил, что сегодня утром, наскоро позавтракав подсохшими овсяными лепешками и теплым молоком, а заодно во всех подробностях поведав Филе о своих невероятных приключениях, он повалился на постель и сразу же уснул. Приемыш подошел к столу, задумчиво макнул оладью в мед и стал жевать, еще не до конца

проснувшись. Только через несколько минут он осознал, что их внезапно опустевший дом мог означать только одно: все его обитатели ушли встречать отряд, приехавший в деревню.

Безмянный чуть не подавился.

– Почему они меня не разбудили?!

Негодующий выкрик, разумеется, остался без ответа. Наскоро пригладив волосы и натянув валяющуюся в изголовье лежака рубашку, приемыш выбежал из дома.

Всадников он разглядел издали. Они успели спешиться и привязать коней у изгороди. Единственным, кто до сих пор оставался в седле, был его ночной знакомый, сэр Ирем, но и он сидел, перекинув ногу через шею лошади и намотав поводья на кулак. В тот момент, когда мальчик увидел Ирема, рыцарь беседовал со старостой Каренном. Староста смущенно теребил кушак. Вокруг – на некотором удалении, как будто опасаясь слишком близко подходить к приезжим – собрались все остальные жители деревни. Толпа взволнованно гудела, и со стороны казалось, что собравшиеся у ограды люди что-то празднуют. Безмянный подошел поближе, и, решительно протискиваясь между взрослыми, пробрался в самый первый ряд, заслужив сердитый косой взгляд Каренна. Зато Ирем, к радости приемыша, едва заметно улыбнулся. Теперь, при свете дня, приемыш разглядел его гораздо лучше, чем в лесу.

Светловолосый рыцарь слушал старосту, склонив голову набок, и его холодные серые глаза смотрели на Каренна пристально и чуточку насмешливо. От этого взгляда старосте, по-видимому, делалось не по себе, и он начинал сбиваться, то и дело кривя губы в неуверенной заискивающей улыбке.

– Ну, вот что, почтенный, – перебил его лорд Ирем таким тоном, будто бы с трудом удерживался от зевка. – Я не уполномочен получать с вас недоимки по налогам, так что это вы обсудите с наместником в Энмерри. А задача моего отряда – пополнить гарнизон в крепости Четырех дубов. Насколько мне известно, Приозерное не посылало рекрутов уже пятнадцать лет. Так что все юноши подходящего возраста, которые не являются единственными сыновьями в своих семьях, поедут с нами.

Каренн, должно быть, сообразил, что его старший сын, как человек женатый, никак не может угодить в рекрутский набор, а Каттинару еще не исполнилось даже четырнадцати, и с заметным облегчением вздохнул. Ирем безжалостно закончил:

– А все состоятельные жители деревни выплатят мне взнос на содержание и вооружение ваших новобранцев.

Лицо Каренна снова омрачилось. Жадность явно требовала возразить, а осторожность не советовала спорить с человеком вроде Ирема. Все эти колебания так ясно отражались на его перекосившейся физиономии, что Безмянный громко фыркнул, силясь задушить подступающий смех.

Сэр Ирем снова покосился на него, и мальчику внезапно показалось, что рыцарь сейчас подмигнет ему. Но этого, конечно, не произошло.

Внезапно чьи-то пальцы впились Безмянному в плечо.

– Ты что тут делаешь?.. – раздраженный шепот Валиора раздался прямо у него над ухом. – Разве обязательно совать везде свой нос и путаться под ногами у старших?

– Почему всем можно, а мне – нет? – возмутился мальчик.

– Потому, что я так говорю, – отрезал Валиор. Приемыш не мог взять в толк, из-за чего тот на него так взъелся. – Я запрещаю тебе даже близко подходить к кому-нибудь из них. Особенно к их предводителю, будь он неладен!

– Он, между прочим, спас мне жизнь, – с негодованием напомнил Безмянный.

– ...Чтобы я тебя больше тут не видел. И запомни: если я замечу, что ты с кем-нибудь из них болтаешь или просто шатаешься неподалеку, я тебе уши оторву, – прошипел Валиор, пропустив его реплику мимо ушей.

Он оттащил Безымянного в сторону и не спускал с него глаз, пока не убедился в том, что тот действительно уходит.

Избавившись от Безымянного, Валиор, наконец, вздохнул свободнее. Теперь можно было сосредоточить все свое внимание на всадниках и на их предводителе. Валиор видел, как деревенские девчонки всюду строят рыцарю глазки, не заботясь о присутствии своих отцов и братьев. Что не удивительно, поскольку Ирем в самом деле был на удивление хорош собой и выглядел довольно молодо. На вид мужчине можно было дать лет тридцать или даже меньше. Это обнадеживало. Если рыцарю и правда было меньше тридцати, то он никак не мог быть тем же самым человеком, который побывал здесь десять лет назад. Тот тоже был высоким и светло-волосым, но за столько лет Валиор, разумеется, забыл его лицо. И все же он не мог до конца успокоиться. Что, если предводитель всадников – тот самый человек? Что ему нужно?

Рыцарь скользнул по Валиору равнодушным взглядом и почти сразу отвернулся, возвращаясь к прерванному разговору. Даже если он и видел Валиора прежде, то не изъявлял никакого желания узнать его или быть узнанным.

Валиор поискал глазами Филу, чтобы убедиться в том, что она думает о том же, что и он. Но Фила затерялась среди других женщин деревни, а вокруг него толпились люди, которым не было никакого дела до его забот. Земля, на которой он стоял, казалась Валиору раскаленными углями.

Десять лет назад он был наемником, недавно покинувшим службу и уехавшим из Энмерри вместе с женой и пятилетним сыном Вали. Камень из пращи серьезно повредил ему колено, так что Валиор заметно приволакивал больную ногу и, хотя возившийся с ним лекарь обещал, что со временем колено перестанет его беспокоить, о службе в крепости пришлось забыть. Прежде Валиор рассчитывал скопить побольше денег и уехать в Тар, на родину своей жены, а теперь приходилось радоваться, что удалось выкупить клочок земли и домик в захолустном Приозерном. Это не лучшим образом подействовало на его характер, так что новые соседи не без основания сочли Валиора замкнутым и нелюдимым. Бывший стражник чувствовал, что жители деревни не испытывают к нему особой симпатии, но ему было все равно. Он не стремился заводить с кем-нибудь из односельчан более тесное знакомство. А потом...

Потом настала памятная ночь, когда над Чернолесьем разыгралась страшная гроза. Ветер разметал соломенную крышу общинного амбара. Закончив наскоро чинить ее, люди попрятались в своих домах, промокшие до нитки и оглохшие от жутких перекатов грома.

Валиору, не успевшему еще обзавестись каким-нибудь имуществом, кроме крепкой, но довольно неказистой хижины, стоявшей на отшибе, и запущенного огорода, гроза была не особенно страшна. Чужое горе мало трогало бывшего наемника, а резкие порывы ветра за окном только усиливали ощущение уюта. В единственной имеющейся комнате было сухо и тепло, Фила хлопотала у очага, готовя ужин, а Вали на полу играл с отцовским шлемом. Валиор несколько размяк, наблюдая за женой и сыном и вдыхая сытный запах жареной крольчатины. Он даже не сразу расслышал, что кто-то стучится в дверь хижины. А когда услышал, очень удивился. В самом деле, увидев, что творится снаружи, ни один здравомыслящий человек и носа бы не высунул за дверь.

Однако стук не прекращался, становясь все более настойчивым.

– Кого там еще принесло на нашу голову?.. – пробормотал бывший наемник, поднимаясь на ноги. До двери было всего несколько шагов, но вспыльчивому Валиору не требовалось много времени, чтобы выйти из себя.

– Вот ведь ломится, скотина, как к себе домой! – свирепо сказал он, сильнее, чем обычно, припадая на больную ногу по пути к двери. В его словах была доля правды: под ударами стоящего снаружи человека крепкие засовы стали жалобно позвякивать. У непрошеного гостя, кажется, была тяжелая рука.

Валиор лязгнул щеколдой и рывком открыл входную дверь. Гостеприимства в нем осталось не больше, чем в трактирном вышибале. Он предвкушал, как вышвырнет нахала за порог.

Однако вид стоящего за дверью незнакомца сразу же заставил Валиора позабыть свои воинственные планы. Тот был на голову выше коренастого наемника и значительно шире в плечах. Более того: на нем была кольчужная рубашка, а на перевязи висел меч, бывший, как мгновенно определил Валиор, на целую ладонь длиннее тех, которыми вооружали энмеррийских стражников. Наружность незнакомца тоже отбивала всякое желание с ним ссориться. Хотя мокрые светлые волосы липли ко лбу, а с ухоженных усов и бороды текла вода, взгляд светло-серых глаз мужчины оставался уверенным и властным, а жесткая складка в углу рта как будто подтверждала, что терпением этот напоминавший каларийца человек отнюдь не отличается. Но была одна деталь, определенно не вязавшаяся с внушительным обликом ночного гостя. Одной рукой мужчина прижимал к себе обернутый в одеяло сверток, который при ближайшем рассмотрении оказался младенцем меньше года от роду. Несмотря на дождь и вспышки молний, ребенок безмятежно спал.

Валиор смотрел на эту странную картину, онемев от изумления.

Он по-прежнему стоял в дверях, не решаясь впустить незнакомца в дом, но тот и не подумал дожидаться приглашения. Отодвинув оторопевшего хозяина с дороги, он вошел и, одной рукой придерживая свою ношу, аккуратно закрыл дверь.

– Прошу простить за позднее вторжение, – сказал он глуховатым баритоном. – Но в такую мерзкую погоду лучше не держать гостей за дверью.

– Что вам нужно? – резко спросил Валиор, с неудовольствием почувствовав, что в его голосе невольно прозвучала нотка паники.

– Ничего дурного, уверяю вас. Ну посудите сами, разве я похож на грабителя или убийцу?

– Н-нет, – ответил Валиор с сомнением, которое могло бы показаться оскорбительным, если бы гость не отнес его на счет растерянности собеседника. Тут в разговор вмешалась Филадельфия.

– Дайте-ка я заберу у вас ребенка. Он, наверное, совсем замерз. Ну вот, и одеяла тоже мокрые!.. – расстроено воскликнула она и вскинула глаза на незнакомца. – Неужели обязательно возить такого крошку под дождем?

Валиор покосился на жену. Он начал понимать, что их случайный гость, скорее всего, знатный человек, но, к сожалению, не мог при нем одернуть Филадельфию, говорившую с приезжим чересчур свободно.

– Я и рад бы этого не делать, но, боюсь, у нас обоих выбор невелик, – ответил гость, глядя на Филадельфию сверху вниз, кажется, нисколько не задетый ее возмущенным взглядом. В уголках его губ даже наметилась улыбка.

– Не взывайте, что я принял вашу милость за бродягу и разбойника, – встрял Валиор, видевший по выражению лица жены, что ее нисколько не удовлетворил туманный ответ незнакомца, и опасавшийся, что она скажет ему какую-то очередную дерзость. – Время сейчас позднее, да и погода – сами понимаете... Снимите плащ, с него течет. Повесим у огня – он вмиг просохнет.

– Не стоит беспокоиться. Мы не могли бы побеседовать с глазу на глаз?.. – спросил приезжий, пристально глядя на Валиора. Тот внезапно осознал, что этот странный человек стучался в его дом совсем не для того, чтобы укрыться от дождя или просить о разрешении остаться на ночь. Нет, он ехал именно к нему, хотя Валиор мог поклясться, что никогда раньше не видел этого мужчину.

– Но... у нас тут только одна комната, – растерянно заметил он.

– Тогда, пожалуй, будет лучше побеседовать снаружи.

Под взглядом светло-серых глаз приезжего Валиором овладело странное безволие. Какая-то часть его разума твердила, что он вовсе не обязан делать то, что предлагает его стран-

ный гость, и вообще – он, как-никак, хозяин в своем доме. Но при этом Валиор не представлял, как отказать светловолосому, голос которого, несмотря на вежливый тон, хранил неуловимый отпечаток властности.

Валиор безропотно шагнул к порогу, когда в разговор вмешалась Филадельфия.

– С ребенком что-то не так, – встревоженно заметила она. – Любопытной другой младенец обязательно проснулся бы и начал плакать.

Незнакомец задержался у дверей. К удивлению Валиора, на этот раз он выглядел почти смущенным.

– Думаю, это потому, что ему... хм-мм... дали немного отвара из люцера. Совсем чуть-чуть. Не стоит беспокоиться. Тот, кто это сделал, разбирается в таких вещах.

Филадельфия оставила развернутое одеяло со спящим младенцем на столе и обернулась, оперев руки в бока.

– А «тот, кто это сделал» не подумал, что если опаивать такого крошку всякой дрянью, то он может заболеть?..

– С ним все будет хорошо, – поспешно отозвался гость. И жестом пригласил Валиора следовать за ним.

Выйдя за порог, Валиор съежился. Гроза немного стихла, но косые струи летнего дождя летели в него, как вражеские стрелы. Набухшее тучами небо зловеще нависало над землей.

– Я вас слушаю, – поторопился незнакомец, который, казалось, не замечал холодных капель. Ну, да ему-то что – он ведь и так промок до нитки...

– Я ищу человека по имени Валиор Вин-Амер. Он участвовал в войне с Нагорным королевством, был ранен во время Иллирийского сражения и служил в крепости Четырех дубов последние пять лет. Вас зовут Валиор, не так ли?

– Так, – насторожился Валиор. – Но я не понимаю, кому я мог понадобиться. Я оставил службу год назад.

– Я знаю. Мне также известно, что во время службы в крепости вы часто говорили, что хотите накопить побольше денег, чтобы вместе со своими домочадцами уехать в Тарес. Мне было поручено разыскать вас и предложить вам довольно выгодную сделку.

– Кем «поручено»?

– Одним весьма высокопоставленным лицом, – ответил незнакомец веско. Было совершенно очевидно, что расспрашивать об имени и звании этого самого «лица» не следует.

Все это смахивало на какую-то мистификацию, но, с другой стороны, приезжий мало походил на шутника. Валиор пытливо посмотрел на незнакомца.

– И чем же я могу быть вам полезен?

– Пославшее меня сюда лицо надеется, что вы и ваша жена согласитесь взять на себя заботы о ребенке, которого я вам привез. Конечно, за хорошее вознаграждение.

Валиор мрачно сдвинул брови.

– Что-то не похоже, что вы оставляете мне выбор. Даром, что ли, вы везли его сюда?

– Это может показаться вам недальновидным, но я был уверен, что вы не откажетесь, – пожал плечами незнакомец. – Если вы оставите ребенка у себя, я дам вам двадцать лун, то есть почти семнадцать тысяч ассов. Это больше, чем вы заработали бы в крепости за десять лет. Часть этих денег, разумеется, уйдет на содержание ребенка, но останется вполне достаточно, чтобы купить не просто дом, а целую усадьбу в Таре. Остальную часть своей награды вы получите потом, когда успешно выполните ваше поручение – то есть когда ребенок подрастет и сможет поступить в ученики.

– И сколько составляет эта «остальная часть»? – охрипшим от волнения голосом спросил Валиор. Его рубашка окончательно промокла и противно липла к телу, но после слов «семнадцать тысяч ассов» ему стало жарко.

– Скажем, еще десять лун, – еле заметно улыбнулся незнакомец. – Я же говорил, что мое предложение покажется вам интересным.

Валиор молниеносно подсчитал, что в результате он получит почти тридцать тысяч ассов. Его предубеждение против предложенного незнакомцем соглашения таяло с каждой минутой.

– А кто, собственно, родители ребенка?.. – спросил он – впрочем, без особенного интереса, потому что его мысли занимала фантастическая сумма, названная незнакомцем.

Его собеседник сделал такой жест, как будто проводил черту между собой и Валиором.

– Разве это важно? Кем бы ни были его родители, сейчас они не могут позаботиться о нем. Поэтому лицо, чье поручение я исполняю, взялось устроить мальчика в приемную семью.

Валиор хмуро усмехнулся. Неизвестное лицо, готовое платить за воспитание ребенка столько, сколько хватило бы на содержание по меньшей мере пятерых детей, должно быть, не испытывает недостатка в средствах. Надо полагать, это какой-нибудь вельможа, а младенец – его незаконнорожденный отпрыск, прижитый от слишком простодушной горожанки или даже от какой-нибудь знатной леди. Второе, пожалуй, вероятнее – даром, что ли, перепуганный отец велел кому-то из своих вассалов отвезти бастарда в отдаленную деревню и оставить там на попечение нуждавшейся в деньгах семьи? Все эти господа похожи друг на друга: болтают о чести, а у самих нет ничего, кроме тугого кошелька.

– Ладно. Кто родители ребенка, мне и в самом деле безразлично. Но, может, вы назовете мне хотя бы ваше имя?..

– А зачем? – пожал плечами тот. – Свое вознаграждение вы получаете не от меня, я всего-навсего посредник. Согласитесь: золото есть золото, из чьих бы рук оно к вам ни попало. Ну так что, согласны?..

– Да, – кратко ответил Валиор. Холодная дождевая вода стекала ему за шиворот и он не прочь был побыстрее разобраться с этим делом, чтобы наконец вернуться в дом, переодеться и выпить подогретого вина.

– Прекрасно. Тогда я ознакомлю вас с условиями нашей сделки. Первое: вы не должны куда-то уезжать из Чернолесья до тех пор, пока не отдадите мальчика в ученики.

– Само собой, иначе кто же мне заплатит, – буркнул Валиор.

– Второе: мой приезд и наше соглашение должны остаться в тайне. Соседям скажете, что младенца бросили на тракте. Такое случается.

«А то! – подумал Валиор. – Не каждый же способен заплатить целое состояние за воспитание бастарда».

– И третье. За мальчиком будут приглядывать. Когда он вырастет и сможет поступить в ученики, сделка будет считаться выполненной, и вы с женой получите обещанные десять лун.

– А кто оплатит ученический контракт?.. – поинтересовался Валиор.

– Не ты, не беспокойся, – усмехнулся калариец. Этим обращением на «ты» он, вероятно, хотел подчеркнуть свое презрение к человеку, думающему только о деньгах. Ну и болван. Не думать о деньгах способен только тот, у кого их куры не клюют – настолько, что можно швыряться лунами направо и налево.

Гость отстегнул от пояса кошель и вложил его в руку Валиора. Кожаный кошель не звякнул, потому что в нем не оставалось места – он был доверху набит монетами. Валиор сразу же оценил его вес.

– Там золото? – спросил он жадно.

– Да, конечно. Сорок гверрских полумесяцев или, иначе, двадцать лун. Мне подождать, пока ты их пересчитаешь? – с саркастической любезностью осведомился гость.

– Ну что вы... Неужели я бы усомнился в вашей честности, – смутился Валиор, действительно подумавший, точно ли в этом кошельке лежат все сорок полумесяцев, обещанных приезжим.

– Видимо, мне показалось. Ну, прощай.

И незнакомец развернулся к Валиору спиной.

– Как? И это все?.. – невольно вырвалось у Валиора. – Вы даже не зайдете в дом?

– Нет, не зайду. Теперь кто-то должен объяснить твоей жене суть нашей сделки, и я думаю, что тебе проще будет сделать это в одиночку. Кроме того, я очень спешу.

Валиор догадался, что приезжий оставил свою лошадь на опушке леса, начинавшейся примерно в тридцати шагах от хижины. Надменный гость ему не нравился, но сейчас Валиор почти готов был посочувствовать этому человеку: не хотел бы он оказаться на его месте и куда-то ехать в такой дождь, даже не обогревшись и не просушив одежду. Сам он развернулся и вошел обратно в дом, уже не чувствуя, что по лицу течет вода, но крепко прижимая к животу полученный кошель.

– Что вы так долго? – спросила Филадельфия, даже не повернувшись к дверям. Она сидела на кровати рядом с засыпающим Вали и покачивала на коленях привезенного младенца. – Я сейчас освобожусь и постелю постель нашему гостю... а где он?.. – спохватилась Филадельфия, видя, что ее муж стоит в дверях один.

Валиор коротко пересказал жене свою беседу с незнакомцем. Он боялся, что сейчас ему придется отвечать на множество вопросов, но Филадельфия отнеслась к известию о «сделке» удивительно спокойно.

– Ты не думаешь, что этот человек мог быть его отцом? – только и спросила она, баюкая младенца. – Хотя, конечно, мальчик на него нисколько не похож... Но, может быть, он просто пошел в мать. Она наверняка южанка. Из Энони или, в крайнем случае, Эстарна.

– Да?.. – довольно равнодушно отозвался Валиор.

– Определенно. Кстати, за ребенком хорошо смотрели. Он здоровый, сильный и тяжелый. А еще – очень хорошенький, – Филадельфия тихонько рассмеялась. – Иди сюда, посмотришь на него!

Но Валиора занимали вещи поважнее, чем рассматривание каких-то там младенцев. Он остановился у стола и развязал кошель. Оттуда хлынул дождь из золотых монет. Валиор сразу же определил, что среди них нет ни тонких, ни обрезанных, и стал раскладывать монеты в кучки, бормоча себе под нос, чтобы не сбиться со счета.

Даже если незнакомец говорил неправду, и через двенадцать лет он не получит еще десять лун, то этого вполне достаточно, чтобы уехать в Тарес. Почти сразу Валиор решил, что деньги надо спрятать – где-нибудь в укромном месте, где до них не доберутся ни соседи, ни всезнающие деревенские мальчишки. До сих пор его семья не бедствовала, так что тратить неожиданно свалившееся на него богатство не было никакой необходимости.

...«Деньги! – вспомнил Валиор. – Нужно сегодня же проверить, не пропали ли они. Если бы еще вся эта шайка во главе с их лордом Иремом не торчала прямо у ворот деревни! Мне кажется, они следят за каждым моим шагом. Впрочем, вздор...»

А Безмянный в это время шел по лесу, раздражаясь все сильнее с каждым шагом. Во всей деревне не осталось ни одного человека, не стоящего в эту минуту у ворот. Даже близнецы, скорее всего, вернутся где-то возле всадников. И только ему одному ни с того ни с сего велели убираться, хотя именно он предупредил односельчан о появлении отряда лорда Ирема. С точки зрения приемыша, несправедливость была просто вопиющей.

Раньше Безмянный чувствовал себя прекрасно, проводя почти все время в одиночестве. Но сейчас, с внезапной остротой обиженного человека, Безмянный осознал, как утомительно все время чувствовать себя чужим и лишним.

«Было бы неплохо в самом деле убежать из дома, – думал мальчик, отдавая должное известной мысли «Вот-тогда-вы-все-узнаете». – Как там говорил Катти?.. Я бы добрался до Энмерри, поступил в ученики и стал бы... м-мм, ну, скажем, кузнецом. Нет, лучше оружейником».

Он почти забыл о своей обиде, представляя, как научится ковать мечи и наконечники для стрел, но через несколько минут опомнился и мрачно подумал, что ученический контракт

в оружейной гильдии, конечно, стоит уйму денег, а захочет ли его приемная семья платить за неродного сына, до сих пор неясно. Если даже и захочет, то ему наверняка придется выбрать что-нибудь попроще. И благодарить судьбу, если Валиор не устроит его подметать полы в каком-нибудь трактире.

Он дошел до той поляны, где обычно прятался от Каттинара и его дружков, валяясь на нагретом солнцем валуне или выстругивая деревянные игрушки и свистки для Тена и Тирена. Близнецы были единственными людьми во всем мире, которые смотрели на Безымянного с восхищением и бегали к нему за помощью, когда их кто-то обижал. И хотя сейчас приемыш был не в настроении, он все равно подумал, что неплохо было бы поймать для Тена и Тирена парочку юрких коричневых ящериц, которые водились в траве под валуном и часто грелись на камнях, пока не появлялся Безымянный.

На сей раз их нигде не было видно. «Надо бы перевернуть валун и посмотреть, где они прячутся, когда я прихожу» – подумал мальчик и с сомнением взглянул на камень. Потребовались бы усилия троих таких мальчишек, чтобы перевернуть его, тем более что лежал он здесь так давно, что глубоко ушел в лесную землю. И вряд ли ящерицы стоили таких усилий. Но Безымянным уже овладела новая идея, и он даже удивился, почему такая мысль не посещала его раньше. Здесь, под этим валуном, можно было бы устроить тайник, о котором никогда не догадались бы Катти и остальные. С тех пор, как они нашли и разграбили его излюбленный тайник в дупле большого дуба (тогда пропал его любимый ножик, несколько поделок, предназначенных для близнецов, моток веревки, ржавая подкова, рыболовные крючки и деревянная свирель), Безымянный положительно не знал, куда девать остатки своего имущества. Для Валиора эти «драгоценности» были обычным сором, и он никогда бы не позволил захламлять ими чердак. А здесь, под камнем, можно было прятать вещи, которые нужны не слишком часто, чтобы не отваливать валун всякий раз, когда вздумается пойти порыбачить.

Мальчик взялся за работу с таким жаром, будто бы речь шла, по меньшей мере, о постройке собственного дома. Вооружившись крепкой палкой, Безымянный принялся обкапывать валун со всех сторон, откидывая в сторону мелкие камешки. Примерно через час, когда его лицо и руки были уже перемазаны землей, а только что зашитая рубашка, которую он пообещал беречь, покрылась бурыми разводами, приемыш, наконец, решил, что можно попытаться передвинуть камень. Ухватившись за него обеими руками, Безымянный с силой потянул вверх. Сначала в результате его усилий камень только чуть подался, но в конце концов все-таки откатился в сторону, а Безымянный, оступившись, рухнул в оставшуюся на месте камня яму, глубиной примерно ему по колено. Рука мальчика наткнулась на какой-то полусасыпанный землей предмет, лежавший на дне ямы.

Первым его чувством было разочарование, что он не первый, кто додумался, что здесь, под камнем, можно что-то прятать. Но в следующую минуту в нем проснулось любопытство, и он ухватился за свою находку. Это оказался наполовину истлевший кожаный мешок, набитый чем-то твердым и тяжелым и затянутый у горловины ветхими тесемками. Нетерпение Безымянного было так велико, что он не стал возиться с узлом, а просто разорвал завязки, ставшие непрочными от старости. Он уже успел понять, что перед ним кошелек с деньгами, и хотел скорее взглянуть на его содержимое. Но когда он вытряхнул монеты на траву, то оказалось, что вместо неровных медных и серебряных монеток, которые он видел, когда Валиор в прошлый раз брал его с собой в Энмерри, кошелек наполнен золотистыми пластинками, похожими на изогнутые лепестки или ущербную луну.

– Полумесяцы!.. – пробормотал приемыш, потрясенно глядя на свою находку. Он слышал, что подобные монеты чеканят исключительно из золота, и каждая по весу составляет половину от обычной луны, но, конечно, никогда не видел их и уж давным-давно не держал в руках. Он стал, сбиваясь, пересчитывать монеты, и составил десять кучек по четыре штуки. Сорок полумесяцев.

Приемыш сжал одну монету в кулаке, как будто ожидал, что она растворится в воздухе. – Сколько же это будет в ассах? – спросил он вслух.

Безымянный не мог вспомнить, сколько ассов в одной луне, к тому же он умел считать только до пятидесяти и смутно подозревал, что сумма в ассах будет многократно больше этой цифры.

Одно было совершенно ясно: человек, который спрятал эти деньги здесь, не мог быть кем-нибудь из жителей деревни. Даже самые богатые односельчане Валиора никогда не имели больше нескольких десятков ассов одновременно, да и то это считалось целым состоянием. А тут... тут денег было больше, чем способен был вообразить любой из них. Кошель выглядел таким потрепанным и старым, как будто его спрятали под камнем много лет назад. Возможно, Безымянного тогда еще и на свете не было. Если хозяин до сих пор не вспомнил о своем сокровище, значит, он либо умер, либо оказался очень далеко отсюда.

«Это был какой-нибудь разбойник, – рассудил приемамыш. – Спрятал здесь награбленное, чтобы не возить его с собой. Вряд ли он еще вернется. Ну а если даже вернется, денег тут уже не будет... Представляю, как обрадуется Валиор, когда я расскажу ему, что я нашел! Он ведь всегда мечтал иметь побольше денег. Интересно, сорок полумесяцев достаточно, чтобы уехать из деревни и переселиться в Энмерри? И чтобы еще осталось на учебу в оружейных мастерских...»

Он уже собрался было запихать все полумесяцы обратно в кошелек и отнести домой, когда внезапно вспомнил, как совсем недавно вместо благодарности за помощь получил от Валиора приказание «не путаться у старших под ногами». Что, если Безымянный отдаст ему все деньги, а приемный отец все равно не захочет заплатить за ученический контракт? Приемыш задумчиво потер ладонью подбородок, перемазав пол-лица землей. Может, отложить какую-нибудь часть из этих денег и не говорить о ней приемному отцу? Но откуда он тогда узнает, сколько принято платить за поступление в ученики?

Проведя в раздумьях несколько минут, Безымянный решил, что лучше всего будет перепрятать деньги и до поры до времени не говорить взрослым о своей находке. Теперь, когда первое удивление прошло, его залихорадило от открывающихся перспектив. Если он поступит в ученики без помощи Валиора, то совсем не обязательно будет рассказывать, что он – приемамыш, у которого нет имени.

Он назовется так, как пожелает, и никому не скажет правды о своем происхождении. Перед глазами Безымянного возник лорд Ирем в темно-синем рыцарском плаще. Валиор говорил, что после Иллирийского сражения отличившихся прямо на поле боя посвящали в рыцари, не делая различия между знатными и простолюдинами. Потому что в той войне решалось, будет ли империя владеть Каларией и Айришером, или же уступит их своим соседям с Запада, давно уже точившим зуб на эти земли. Валиор хвалился, что такого боя, как на Иллирийском поле, не бывало уже пару сотен лет, и добавлял, что без поддержки лучников и щитоносцев рыцарская конница нипочем бы не одолела варварскую армию Нагорных королевств. Но все это было давно – еще до рождения Безымянного.

Может, и сейчас простолюдинам изредка случается добиться рыцарского звания, но такие случаи бывают очень, очень редко. Но бывают же... Мысли приемамша приняли самое что ни на есть опасное направление, и он сам это понял.

«Даже не мечтай, – одернул себя Безымянный. – Мало тебе того, что не погиб на болоте и нашел под камнем целое сокровище? А рыцарские шпоры – это уже слишком. Это все равно, что захотеть луну и солнце».

Но какой-то голос продолжал нашептывать ему, что он мог бы поступить в ученики, дожидаться совершеннолетия, а когда ему исполнится пятнадцать, завербоваться в какой-нибудь отряд. Тогда он станет воином и – кто знает? – может быть, однажды совершит поступок, за который его посвятят в рыцари.

Он сделал крюк по лесу, чтобы спрятать найденные деньги в одном из своих тайников. Мысли о разоренном Ленсом и Катти дупле не давали приемышу покоя, но он успокоил себя тем, что прячет деньги ненадолго, а его недругам сейчас не до того, чтобы устраивать ему очередную пакость. В деревню он вернулся с противоположного конца, подойдя к ней со стороны ворот, чтобы хотя бы мельком поглядеть на всадников. Но у ограды их не оказалось. Там были привязаны только их лошади, да еще торчал какой-то паренек, в котором Безымянный почти сразу признал Вали. Приемыш заметил, что вид у старшего братца недовольный и унылый, и направился к нему.

– А, мелкий, это ты... Привет, – Вали махнул ему рукой и кисло улыбнулся.

– Что ты тут делаешь? – спросил приемыш.

– Мне поручили сторожить коней, – пояснил Вали с отвращением. – Мало того, что нас никто не спрашивал, хотим ли мы поехать в Энмерри, так этот Хеггов калариец явно думает, что можно распоряжаться нами, как своими слугами!

– Ты едешь в крепость Четырех дубов?! – не веря собственным ушам, воскликнул Безымянный.

– Ну разумеется, дурья твоя башка! Мне ведь уже исполнилось пятнадцать. Ты что, не слышал, как этот лорд Ирем говорил, что они рекрутируют в деревне всех неженатых юношей от пятнадцати до двадцати пяти?

Приемыш понял, что впервые в жизни он по-настоящему завидует. В сравнении с этим зависть к Ленсу, который часто ездил к своим родственникам в Энмерри, казалась сущим пустяком. Приемыш был бы счастлив, окажись он сам на месте Вали. А вот Вали, судя по всему, отнюдь не чувствовал себя счастливым.

– Чтоб им провалиться, этим рыцарям! – заметил он. – Кто их просил прочесывать все Чернолесье, будто мало в Энмерри других земель! Представляешь, они не поленились сделать такой крюк ради каких-то двух десятков человек. Двенадцать взяли из Горелой балки и еще девятих – у нас. Ну ничего, дорога длинная, еще посмотрим, сколько они доvezут до лагеря. Лучше сбегать и стать бродягой, чем позволить продырявить себя стрелами. Пусть дураки машут мечами и гордятся, что сражаются за Императора. Мне на такие вещи наплевать.

– Твой отец тоже воевал, – с негодованием заметил Безымянный.

– Ха, отец! Ему за это заплатили неплохие деньги. Уж не думаешь ли ты, что он рисковал собственной шкурой из любви к Правителю?.. Не беспокойся, я не собираюсь убежать от них, пока мы не окажемся в Энмерри. Во-первых, вблизи города гораздо проще затеряться, а я не такой дурак, чтобы попасться сразу же после побега. Во-вторых, этот сэр Ирем – никакой не энмерриец, он приехал из Адели. Вдруг кого-нибудь из рекрутов возьмут в столицу? Тогда я увижу Площадь четырех дворцов и Адельстан...

– И местную тюрьму, если не прекратишь трещать о своих планах, как сорока, – саркастически заметил кто-то за спиной у Безымянного, причем Вали с нескрываемым ужасом уставился на говорившего поверх головы приемыша.

Безымянному не нужно было оборачиваться, чтобы догадаться, что к воротам подошел сэр Ирем.

– Чтобы я больше не слышал разговоров о побегах. А теперь пошел отсюда, – приказал гвардеец, и Вали будто ветром сдуло. Ирем проводил его долгим насмешливым взглядом, и Безымянный подумал, что, кажется, его приемный брат легко отделался, но все равно не удержался и спросил:

– И что с ним теперь будет?

– Ничего, – пренебрежительно пожал плечами рыцарь. – Мне нужно только отвезти их в крепость, а учить всех этих бестолковых новобранцев уму-разуму придется командирам в Четырех дубах. Вы с ним друзья?

– Нет, это Вали, мой приемный брат... А почему нельзя брать в крепость только тех, кому действительно хотелось бы стать воином? – спросил приемыш, опасаясь в глубине души, что Ирем вслед за Валиором посоветует ему не лезть не в свое дело.

Но рыцаря их беседа, очевидно, развлекала, потому что он ответил:

– Ополчение Энмерри пополняется каждые пять лет, а в городских казармах постоянно проживает три-четыре сотни человек. Боюсь, что мы не можем спрашивать каждого рекрута, чего он больше хочет – пахать землю или стать солдатом. Все, кто не захочет оставаться в крепости, через шесть лет смогут вернуться к прежней жизни.

– И почему мне еще нет пятнадцати! – вырвалось у приемыша. – Лучше бы я поехал в крепость вместо Вали.

– Значит, ты хотел бы попасть в крепость? – спросил рыцарь, с непонятным интересом глядя на него.

– Очень! – выпалил приемыш. И внезапно загорелся новой мыслью: а что, если попроситься в крепость Четырех дубов вместе с отрядом сэра Ирема? – Скажите, сэр... Вы не могли бы взять меня с собой?

Безымянный умоляюще смотрел на рыцаря. От волнения он даже позабыл, в какое раздражение обычно приводила жителей деревни его неприятная манера «пялиться на собеседника».

Глаза у приемыша были не просто карие, как у других южан, а неопределенного зеленоватого оттенка, словно прелая листва на дне ручья. На фоне смуглого лица с угольно-черными бровями и ресницами эти странные зеленоватые глаза казались слишком светлыми, большими и блестящими, особенно когда приемыш, как сейчас, был поглощен какой-то мыслью и смотрел на собеседника в упор. Пожалуй, лучше всех общее впечатление от его взгляда выразил Каренн, в припадке раздражения назвавший Безымянного «проклятым жабоглазым вырожденком».

Казалось, Ирем несколько опешил от внезапного порыва Безымянного. Но его замешательство было недолгим. Уже в следующую секунду рыцарь усмехнулся.

– Взять тебя с собой?.. Куда, в Энмерри? Или, может быть, в Адель?.. Сдается мне, ты сам не понимаешь, о чем просишь. Возвращайся-ка лучше домой и постарайся больше не оказываться ночью посреди болота – ни «случайно», ни намеренно.

Несмотря на то, что калариец говорил вполне доброжелательно, приемыш как-то сразу понял, что упрашивать бессмысленно. Он постарался сделать вид, что это его совершенно не расстроило, и ушел от ворот, нарочно вскинув голову как можно выше, но на душе у него было тяжело.

В эту минуту даже мысль о найденном под камнем кошельке бессильна была поднять ему настроение.

Глава 2

Громкий голос Валиора был слышен еще с крыльца. Но когда Безмянный дернул дверь и вошел, мгновенно стало тихо. Валиор, стоявший у стола и опиравшийся о его край обеими руками, словно его не держали ноги, повернулся к приемному сыну, да так и застыл, сверля его тяжелым взглядом.

Безмянный подумал, что с Валиором в последнее время творится что-то странное. Понятно, отчего он разозлился, когда полагал, что его средний сын сбежал из дома. Но почему он взъелся, увидев того рядом с сэром Иремом? И почему так мрачно смотрит сейчас?

Приемыш отвел взгляд, чтобы его вид не показался Валиору вызывающим, и только теперь заметил то, что должен был увидеть с самого начала. Филадельфия сидела за столом, подперев голову руками, и даже в полумраке было видно, что ее глаза опухли и покраснели так, как будто бы она недавно плакала. Хотя какое там «недавно»!.. Приглядевшись, Безмянный обнаружил, что по щеке его приемной матери медленно ползет слеза.

– Что случи... – начал он и сразу же осекся. Ну конечно! Она плачет, потому что Вали забирают в крепость Четырех дубов.

– Мама, не надо... с ним все будет хорошо, – пробормотал он, подойдя к Филе и порывисто обняв ее за плечи. Ему было очень стыдно. Как он мог забыть о ней, когда шатался по лесу и болтал с Вали у ворот... да еще завидовал ему, совсем забыв, каким ударом должен стать его отъезд для остальной семьи. До сих пор он никогда не видел Филу плачущей и сейчас чувствовал себя совершенно беспомощным, не зная, как ее утешить. Все приходившие на ум слова казались Безмянному тяжеловесными и неуклюжими. Возможно, потому, что сам он, хоть убей, не мог воспринимать случившееся с Вали, как трагедию.

– Мам, ну не плачь. Он же все время будет в Энмерри, а это совсем рядом. Ты сможешь навещать его, когда захочешь... А потом он сам вернется, ты и оглянуться не успеешь! Это же всего шесть лет.

Тут Безмянный покривил душой, поскольку для него «шесть лет» – это был огромный срок. Но он часто замечал, что взрослые иначе смотрят на такие вещи.

– А если вдруг война?... – пробормотала Филадельфия, запинаясь. – Тогда их перебросят на границу. И его наверняка у-у... убьют!

И она зарыдала еще горше.

Безмянный был немного озадачен. До сих пор никто даже не заикался об очередной войне. Сколько приемыш себя помнил, кроме мелких стычек где-то на границе, о которых Валиор любил порассуждать за кружкой пива в Белой балке, не происходило ничего серьезного. И даже если бы война вдруг началась, кому пришло бы в голову использовать в ней энмеррийские отряды? Ведь имперские границы – это где-то очень далеко, гораздо дальше, чем Калария и Тар. Так почему же Филадельфия думает, что Вали что-то может угрожать?..

Приемыш бы, наверное, не удержался и задал этот вопрос, если бы до сих пор молчавший Валиор неожиданно не встрял в беседу.

– Я же тебе говорил, что это плохо кончится!.. Я говорил, что от него одни несчастья!

Филадельфия громко всхлипнула и почему-то притянула Безмянного к себе.

– Пожалуйста, не начинай опять сначала... Ну при чем тут это!

– Да при том! Я говорю тебе, это тот самый человек. Только куда уж тебе понять, что происходит. Сидишь тут и кудахчешь, как глупая курица. А толку-то?.. Ты бы еще к *нему* сходила, перед *ним* поплакала! Может быть, он вернет нам сына!..

Голос у Валиора оборвался. Впервые на памяти Безмянного он разговаривал с женой так грубо. Все еще обнимавший приемную мать Безмянный сердито сверкнул на него гла-

зами, и это, наверное, стало последней каплей. Валиор совершенно потерял остатки самообладания.

– Да что ты так вцепилась в этого ублюдка? – рявкнул он. – Уж его-то у тебя никто не отберет!

– Не называй... – начала Филя возмущенно, но Валиор ощерился.

– Это мой дом, и здесь никто не станет мне указывать, что говорить!

– Нет, станет! Хватит на нее кричать! – неожиданно для самого себя заорал Безымянный, сбросив руку Филы со своего плеча. Валиор стоял совсем близко к нему, и в тот момент, когда приемный сын, сжав кулаки, встал между ним и Филой, он, недолго думая, вплепел тому тяжелую затрещину. Приемный налетел на стол и, от неожиданности не удержавшись на ногах, упал на четвереньки. Наблюдавшие за этой сценой близнецы дружно разревелись от страха.

Безымянный был оглушен ударом и почти не почувствовал боли, а в следующую секунду ему стало не до того, чтобы прислушиваться к своим ощущениям, потому что Валиор нагнулся, сгреб его за шиворот и рывком поставил на ноги.

– Это ты во всем виноват, – прошипел он, встряхнув мальчика, как яблоню в день сбора урожая. – Я сразу понял, что он здесь из-за тебя! И он, и они все... Если б я только знал, чем это кончится, никогда бы не согласился взять тебя к себе. Гаденыш, выродец проклятый!

«Да он просто спятил! – думал Безымянный, чувствуя, что его ноги почти не касаются земли. – Узнал, что Вали забирают, и рехнулся...»

Злость уже прошла, и сейчас ему было просто страшно. Чего можно ожидать от Валиора, потерявшего рассудок, он не знал и совершенно не стремился это выяснить.

– Прекратите! – слабым голосом сказала Филя, с ужасом глядя на мужа и сына.

К счастью, Валиор ее послушался. Он отпустил рубашку Безымянного и выпрямился, тяжело дыша. Потом уже куда спокойнее сказал:

– Иди-ка спать. И не вздумай завтра с утра пораньше снова куда-нибудь смыться. Хватит! Ты уже достаточно бездельничал. Пора приставить тебя к делу. Завтра я решу, куда тебя девать.

Та сторона лица приемного, куда пришелся удар Валиора, до сих пор горела, как обваренная. Безымянный избегал смотреть на своего приемного отца, чтобы его взгляд не выдал переполнявшего его негодования.

«Завтра он решит! – передразнил он Валиора мысленно. – Посмотрим, как тебе это удастся... потому что завтра меня здесь не будет.»

Он и сам не понял, как случайная запальчивая мысль мало-помалу безраздельно завладела его воображением. Свою роль в этом сыграла и короткая беседа с Иремом, и зависть к Вали, и, конечно же, обида на приемного отца.

Какое-то время Безымянный притворялся спящим, выжидая, пока взрослые улягутся. Близнецы, отправленные спать одновременно с ним, возились на их общей постели, перетягивая одеяло и толкая Безымянного, занимавшего самый край грубо сколоченного лежака. В любой другой день он шикнул бы на них, но сейчас приемный опасался, что после всех событий этого вечера они, чего доброго, расхнычутся вместо того, чтобы утомиться и заснуть. Единственная в хижине кровать, на которой спали Валиор и Филя, стояла у стены и при необходимости отгораживалась занавеской. Приемный почти час лежал с открытыми глазами и прислушивался. Наконец, Валиор всхрапнул, перевернувшись на спину, и мальчик понял, что все в доме спят. Можно было приступать к осуществлению своего замысла.

От этой мысли Безымянного обдало холодом, и ему даже показалось, что лучше всего будет забыть эту глупую идею о побеге. Куда ему, собственно, идти? Здесь мама, близнецы, здесь лес, знакомый как свои пять пальцев... И даже вредные соседи показались не такими уж противными, когда он представил, что сейчас ему придется встать и выйти в темноту и неизвестность.

До встречи с Иремом он бы, наверное, остался. Но теперь приемыш чувствовал себя, как щепка, пущенная по течению ручья – его неудержимо влекло в сторону чужих и незнакомых берегов. И сопротивляться этому неумолимому течению Безымянный не только не хотел, но и не мог: он твердо знал, что если смалодушничает и останется сегодня – завтра все равно уйдет. К тому же Валиор, вообразивший, что это Безымянный показал отряду чужаков дорогу к их деревне (будто без него не нашли бы!) теперь житья ему не даст...

Приемыш осторожно спустил ноги с лежака и встал. Стараясь не шуметь, забрался на чердак по маленькой скрипучей лесенке. Свечка ему была совершенно не нужна – все нужное он мог найти наощупь. Из кучи хлама были по очереди извлечены дорожная котомка, покорбившаяся фляжка, которой Валиор пользовался еще во время службы в крепости, и старые сапожки, из которых вырос Вали. Босиком далеко не уйдешь – уж лучше обувь на три пальца больше нужного размера.

Запасной одежды у приемыша не было. Только рубашка, отложенная Филой для стирки и лежавшая теперь в корзине прямо возле изголовья. Лезть туда Безымянный не решился, но зато прихватил со стола несколько яблок, кусок сыра и обрезки ветчины. Он взял бы больше, но решил, что напоследок обокрасть приемную семью будет намного хуже, чем денек поголодать в дороге. А потом он купит все, что пожелает. Денег у него теперь так много, что не сразу и представишь, на что их потратить.

Поразмыслив, он взял гребень, который входил в приданое Филы и которым она чуть не каждый день расчесывала волосы приемыша и близнецов (Вали обычно удавалось отвертеться); снял с шеи кожаный шнурок с собственноручно вырезанным талисманом, намотал его на гребень и оставил на столе. Пусть мама знает, что он думал о ней, перед тем как уйти. Кто знает, может быть, однажды он опять придет сюда... в таком же темно-синем рыцарском плаще, какой носили Ирем и Эрлано. Или хотя бы в куртке стражника из Энмерри, но в любом случае – с мечом на поясе. Когда у него будет меч, он сможет постоять и за себя, и за других, и никогда не станет отводить глаза, когда неподалеку обижают слабого или творят какое-нибудь непотребство.

Безымянный тихо выскользнул из дома, сунул ноги в сапоги и крепко затянул завязки, прислонившись к косяку. Теперь – забрать из леса деньги и выйти к Старой дороге, только непременно обойти болота по дуге, не подходя к ним даже на полстае.

Несмотря на поздний час, окна дома старосты Каренна были ярко освещены. Часть приезжих, в том числе лорд Ирем и его оруженосец, расположились на ночлег у старосты, другие завернули к Суру. Староста, которому пришлось кормить эту ораву, да еще мириться с тем, что три из пяти комнат заняты гостями, проклинал в душе тот день и час, когда отстроил новый дом на зависть всем соседям. Последние два года сам Каренн и его домочадцы наслаждались тем, как смотрится добротный сруб на фоне покосившихся домишек рядом, но теперь зажиточный вид дома обернулся против них: лорд Ирем ни в какую не желал поверить в то, что они живут впроголодь и принимать гостей никак не могут. Хотя, может, новый сруб тут был и не при чем. По виду старосты Каренна, носившего кушак не на поясе, а ниже, под выпирающим животом, любой бы сразу догадался, что в его семье не бедствуют.

В общем, деревенский голова был сильно не в духе и вышел на крыльцо в надежде выместить на ком-нибудь скопившееся раздражение. Хоть на припозднившемся соседе, хоть на рыжем кобеле, сидевшем на цепи за домом.

Тут-то он и заметил Безымянного, который крайне подозрительно шмыгнул из-за ограды, огибая баню, выстроенную Каренном и Суром вскладчину, благо их конец деревни был поближе к озеру, и можно было, вдоволь насидевшись в жарком и сухом пару, сбегать по плавням прямо в воду.

– А ну-ка стой!.. – гаркнул Каренн, шагнув наперерез приемышу, едва мальчишка поравнялся с их калиткой. – Ты что тут делаешь?

Безымянный, застигнутый врасплох этим внезапным окриком, остановился, холодея при мысли, что дотошный староста вот-вот заметит сапоги и сумку и тогда уж точно догадается, что дело тут нечисто.

– Я спрашиваю, куда это ты собрался среди ночи? – повторил Каренн, не догадываясь о причинах его растерянности, но явно наслаждаясь ею. Точно так же, как, бывало, наслаждался его сын, если ему случайно удавалось загнать Безымянного в угол.

Вспомнив о Катти, приемьш сразу вышел из оцепенения.

– А это я опять бегу из дома! Можете спросить у Каттинара, он вам подтвердит. Он еще вчера по всей деревне раззвонил, что я хочу сбежать в Энмерри.

– Не дерзи, сопляк! – вскипел Каренн, припоминая неприятный разговор, во время которого Валиор высказал ему все, что думал о его младшем сыне, и посоветовал почаще драть наследника. А если у Каренна руки не доходят, то пусть, мол, только скажет – Валиор готов ему помочь.

– А вы не суйте нос не в свое дело! – отрезал Безымянный.

– Что-о?

Приемьш ловко увернулся от руки, потянувшейся схватить его за шиворот, и, отскочив на несколько шагов от старосты, обидно рассмеялся. Вряд ли он решился бы так разговаривать с Каренном, если бы наутро предстояло объясняться с Валиором, но теперь его ничто не останавливало.

Он еще долго слышал за спиной бессильную брань старосты, и губы против воли складывались в улыбку удовлетворения. Если бы Безымянного спросили, что он хотел бы сделать напоследок, то, пожалуй, самой соблазнительной была бы именно возможность в кои-то веки по достоинству ответить старосте Каренну, столько лет изводившему приемьша своими колкостями и придираками. Приятнее было бы только на прощание расквасить нос Катти. Ну что ж, не вышло – так не вышло...

– Что тут у вас за шум? – любопытствовал сэр Ирем, выходя за дверь. Он слышал крики старосты и лай цепного пса, и ему даже показалось, что Карену отвечал еще какой-то голос.

Радуюсь, что можно хоть кому-нибудь пожаловаться на нахального приемьша, староста рассказал о встрече с Безымянным. К этому он присовокупил собственное мнение о том, что настоящие родители мальчишки – какие-нибудь нищие головорезы, и что он наверняка пойдет по их стопам, если уже сейчас осмеливается в такой неподобающей манере огрызаться на достойных, уважаемых людей.

– Хм!.. – невразумительно ответил рыцарь. Но Каренн не обратил на это внимания, радуясь, что нашел в лице приезжего такого благодарного слушателя – как ни странно, жалобы на наглого мальчишку вызывали в чужаке заметный интерес. Поэтому староста продолжал, все больше распаляясь. По его рассказу выходило, что приемьш постоянно что-нибудь ломает или портит, всем дерзит и лезет в драку со своими сверстниками – словом, сущее несчастье. Ирем слушал и сочувственно кивал, что в темноте вполне сходило за согласие.

Примерно полтора часа спустя Безымянный шагал по Старой дороге, зевая во весь рот и думая, что две бессонных ночи кряду – это уже слишком. Однако следовало отойти подальше от деревни, прежде чем ложиться спать. Кто знает, вдруг Валиору взбредет в голову вернуть его назад? А нет, так на него наткнутся люди из отряда сэра Ирема и рекруты из их деревни. Тоже приятного мало, особенно если вспомнить, как совсем недавно Ирем отказался взять его с собой.

Чтобы не засыпать, приемьш начал думать, как ему теперь назваться. Имя нужно было выбрать поскорее, чтобы подвести черту под своей прошлой жизнью и почувствовать себя настоящим свободным. Но увы – имен приемьш знал не так уж много, причем большинство из них принадлежали жителям деревни. Мысленно перебирая их, он понимал, что не хотел бы называться так же, как кто-нибудь из его соседей.

Хесс, Альмар, Каренн... тьфу, не хватало только всю оставшуюся жизнь носить имя этого напыщенного дурака!

А потом в памяти всплыло недавно слышанное имя – Кметрикс. Или Кемрикс?.. Безымянный не был до конца уверен, как оно звучит на самом деле, но, по крайней мере, это имя не носил ни один человек из тех, кого он знал.

«Где же я его услышал?..» – мучился приемыш. После долгих и бесплодных попыток вспомнить, кем был этот Кметрикс, его осенило: это имя называл лорд Ирем прошлой ночью на болоте.

«Может быть, и мне назваться Кметриксом? – подумал Безымянный. – Или нет, пожалуй, это имя длинновато для простолюдина. Его нужно сократить. Пусть будет просто Крикс. А что, неплохо!..»

Безымянный счастливо улыбнулся. Именем, которое ты выбрал сам, можно гордиться даже больше, чем таким, которое тебе когда-то дали, не спросив твоего мнения. Вот он и будет им гордиться – втайне, разумеется. А всем остальным он станет говорить, что это имя подобрали для него родители.

Желание спать становилось все сильнее, и беглец, махнув рукой на все предосторожности, свернул к мелькнувшей за деревьями поляне.

Наскоро соорудив себе постель из лапника и подложив под голову свою котомку, Безымянный растянулся на земле.

«Спокойной ночи, Крикс», – сказал он сам себе, закрыв глаза.

– Читай прямо отсюда, – палец собеседника уперся в строчку посреди какого-то абзаца. Император заскользил глазами по трактату, но все тот же человек вмешался:

– Вслух, пожалуйста.

«Какая муха его укусила?» – мысленно вздохнул правитель, но послушался.

– «...Затем соискателю надлежит очистить свои помыслы длительным постом, не отрываясь от своих обычных дел, но избегая суетных увеселений, – с выражением прочел Валларикс, краем глаза наблюдая, как его седой и худошавый посетитель меряет шагами мозаичный пол. – Пусть все время будет наготове и ждет Знака, указующего, что настало время перемен. А тогда пусть выйдет за порог и отправится в путь, оставив попечение о выборе дороги и своей конечной цели. Пусть не беспокоится о пропитании и об одежде, не берет с собой ни хлеба, ни плаща, ни самострела для охоты, ибо это только отвлечет его от основной задачи. Помните, что Истинное Имя обретается в пути...» А дальше там написано про то, как узнается Истинное Имя и что изменяется в судьбе прошедшего обряд. Я думаю, нет никакой необходимости читать все до конца. Все это для меня не ново. Я читал трактат «Об обретении магических имен» еще подростком. И, в конце концов, ты взял этот пергамент из моей личной библиотеки, так что мог бы догадаться, что я с ним знаком.

– А мне желательно, чтобы ты еще раз перечитал его и освежил свои воспоминания, – отозвался собеседник императора. – Надеюсь, ты меня послушаешь. В конце концов, твой опыт, молодой Валларикс, не составит даже пятой части моего.

«Скорее, даже двадцать пятой части», – мысленно поправил Император и привычно задержал дыхание, когда пронзительные светлые глаза седого задержались на его лице.

– Как скажешь. Я перечитаю, если это важно.

– Вот и хорошо, – рассеянно ответил собеседник. Было очевидно, что ни на какой другой ответ он не рассчитывал. – А пока что обрати свое внимание на следующее. В твоём трактате утверждается, что Истинное Имя может обрести любой, практически любой обыкновенный человек, пройдя определенный ритуал и выдержав все перечисленные в тексте испытания.

Это верно в том смысле, что заняться *этим* видом магии действительно способен кто угодно. Однако, – тут седой повысил голос, видя, что в глазах Валларикса мелькнула скука, – требовать от Изначальных сил подсказки в выборе магического имени, упрямо добываясь их внимания постами и обрядами – это примерно то же самое, что петь баллады под окном у неприступной девушки. Возможно, своим пылом соискатель смягчит ее сердце, но намного вероятнее, что из окна ему на голову швырнут горшок с цветком, а то и выплеснут помой.

Валларикс вскинул на него глаза, поймав себя на том, что уж никак не ожидал от собеседника подобных аналогий. Да, представить Светлого поющим у кого-то под окном было довольно сложно, но воображение немедленно нарисовало Валлариксу картину, от которой он едва не фыркнул. Сохранить серьезный вид ему позволила только привычка к многочасовым приемам и аудиенциям, во время которых навык сдерживать рвущийся наружу смех был нужен почти так же часто, как умение слушать самые невыносимо нудные доклады, не засыпая при этом.

– Словом, некоторым людям удается достичь своей цели с помощью упорства, – продолжал седой, не замечая (или делающий вид, что не замечает) лукавого проблеска в глазах императора. – Но есть и те, к кому красавица придет сама, не дожидаясь серенады. Понимаешь?

– Ну, еще бы!.. Я неплохо разбираюсь в серенадах и красавицах.

– Шутки шутками, но Истинное Имя – это разновидность тайной магии, а эта магия всегда непредсказуема, неоднозначна и, конечно, неслучайна. И вот уже несколько недель я чувствую, что вокруг нас вот-вот начнут сплетаться цепи из подобных неслучайных совпадений. Это можно было бы сравнить с началом горного обвала. Ты случайно задеваешь камешек, который тянет за собой еще один, потом еще... Так что скажи, Валларикс, не предпринимали ты каких-то опрометчивых решений за последние полмесяца?..

– Смотря что ты называешь опрометчивым решением, – парировал правитель. – Я позволил каларийскому наместнику ввязаться в приграничный спор с дан-Хавернеймом, отказался принимать послов от Авариса до тех пор, пока аварисские суда не прекратят набеги на Акулий мыс, а под конец позволил лорду Бейнору Дарнторну встать во главе моего Совета, хотя точно знаю, что он до сих пор сочувствует мятежникам, которых возглавлял его старший брат.

– Не то, совсем не то. Все это мелочи, – нетерпеливо перебил седой.

Валларикс подавил тяжелый вздох, подумав, что не отказался бы на пару дней помянуться с собеседником местами – пусть тогда посмотрит, сколько сил и времени такие «мелочи» способны отнимать у императора.

– То, что ты делаешь для своей страны, я делаю для мира в целом, – возразил седой и чуть заметно улыбнулся. – Мысли я читать, конечно, не умею, но у тебя же на лице написано: «Да что ты в этом понимаешь!..» Вспоминай, Валларикс! Что еще ты сделал за последние полмесяца?

– Отправил в Чернолесье Ирема и поручил ему узнать, что стало с мальчиком, – признался Валларикс. Он с самого начала знал, что собеседника интересует не политика, а что-то в этом роде. Поэтому и попытался промолчать.

– Зачем?.. – только и спросил Светлый, но император ощутил себя мальчишкой, приспособившим отцовский меч для рубки дров.

Он пожал плечами.

– Знаешь, было у меня какое-то неясное предчувствие... Я начал беспокоиться. Ради сохранения секретности мы отказались от идеи наблюдать за жизнью мальчика. Если бы с ним что-нибудь случилось, мы узнали бы об этом с опозданием на месяцы, даже на годы. И мне начало казаться, что нечто подобное действительно вот-вот произойдет. Поэтому я и отправил туда Ирема.

Седой вздохнул и пару раз качнулся с пяток на носки, о чем-то размышляя.

– Предчувствия обманчивы. Но, может быть, в твоём вмешательстве действительно была какая-то необходимость, и в итоге пользы от него окажется гораздо больше, чем вреда... Я попытаюсь это выяснить. А ты пока читай трактат.

– Слушаю и повинуюсь, – хмыкнул император. И тут же вынужден был признаться самому себе, что это было шуткой меньше чем наполовину. Его посетитель всегда обходился с Валлариксом так, будто тот был его учеником или вассалом. Императору легко было представить, как Светлый точно так же разговаривал с его отцом, а ещё раньше – с дедом или прадедом. Потому что Светлый был вне времени. Он приходил из ниоткуда, вмешивался в те дела, которые считал первостепенно важными, и игнорировал все остальное. Он не давал советов, зато не скупился на распоряжения. Иногда он появлялся во Дворце на полтора часа, а после исчезал на годы, даже на десятилетия. И только изредка задерживался здесь на пару дней. Но никогда ещё на памяти Валларикса седой не пользовался его гостеприимством целую неделю кряду.

«Не к добру», – подумал император.

Когда Крикс подходил к воротам Энмерри, солнце уже поднялось так высоко, что выползло из-за восьмиугольных башен крепости. Беглец провел в дороге целый день и еще раз заночевал в лесу, причем на этот раз не так удачно, потому что накануне вечером прошел короткий дождь. Одежда его была перепачкана землей, а сам Крикс осунулся и побледнел от утомления, но, подходя к воротам крепости, он чувствовал себя совершенно счастливым. В последний раз он был в Энмерри весной, и Валиор не позволял ему отходить от себя ни на шаг, пока не сделал все необходимые покупки, а сразу после этого они отправились назад, так что у Безымянного не оставалось времени развлечься или просто погулять по городу. Было приятно думать, что на этот раз никто не станет запрещать ему бродить, где вздумается, и смотреть по сторонам.

Беспокоясь за сохранность кошелька, Крикс заранее переложил его за пазуху, хоть и подозревал, что воры вряд ли заинтересуются котомкой деревенского мальчишки, выглядящего как настоящий оборванец. Внимание «сумеречников» скорее привлекла бы группа из полудюжины зажиточных крестьян, идущих из Горелой балки, и кое-кто из них наверняка недосчитался своих сбережений, оказавшись за воротами. Что же касается приемыша, то его вид скорее заставил бы кого-то из воров тайком подбросить ему медную монетку. Молодые «крысы» часто развлекались так, когда им выпадал удачный день или хотелось похвалиться своей ловкостью, чтобы потом, за кружкой пива, называть себя «поборниками справедливости», «защитниками угнетенных» и «грозою толстосумов». Потому что «Высшие велют делиться!». Первым делом, разумеется, с ворами, но и беднякам должно перепадать.

«А рыцари, наверное, уже вернулись, – думал мальчик, пока шумная толпа несла его к воротам. – Интересно, как там Вали?..»

Стражник, только что остановивший для досмотра воз какого-то торговца, скользнул по нему взглядом и махнул рукой – иди, мол. Накануне Крикс хотел первым делом найти мастерские оружейников, но сейчас он понял, что сначала следует перекусить. Вернее, ноги сами понесли его в ту сторону, откуда пахло теплым хлебом и жареными колбасками, благо торговые ряды располагались прямо у ворот. Остановившись у ближайшего прилавка, мальчик жадно уставился на огромные мясные пироги, коричневато-золотистые ковриги хлеба, тонкие лепешки и маленькие булочки с орехами и медом. Стоявший за прилавком помощник пекаря смотрел на Крикса недовольно, полагая, что подобный покупатель в лучшем случае возьмет лепешку за две медьки, да еще придется проследить, чтобы он ничего не утащил.

– С мясом, с рубленным яйцом и этот, сладкий, – наконец, решил Крикс.

– Семнадцать медек, – сразу подобрел торговец.

Кажется, в одном ассе двадцать медек, вспомнил Крикс. Но сколько ассов в полумесяце?.. Чтобы не доставать свой кошелек прямо посреди базарной площади и не дразнить воров, Крикс загодя положил один полумесяц в карман штанов, а теперь вытащил его и протянул торговцу.

Брови у торговца пирожками поползли на лоб. Он вышел из-за своего прилавка, словно ему захотелось лучше рассмотреть монету, но вместо этого крепко ухватил Крикса за руку и закричал торговцам из соседних лавок:

– Позовите стражу! Я поймал воришку, он стащил чужое золото!

Крикс дернулся, но вырвать руку оказалось совершенно невозможно. Стражники, слышавшие вопли лавочника, уже бежали к месту происшествия. Не помня себя от ужаса, Крикс предпринял еще одну отчаянную попытку освободиться и случайно опрокинул блюдо с пирожками. Торговец охнул и чуть-чуть ослабил хватку.

Тогда Крикс начал смахивать на землю все, до чего мог дотянуться. То ли от неожиданности, то ли из боязни потерять остатки своего товара, лавочник разжал ладонь, и мальчик бросился бежать.

– Держите вора!! – закричали за спиной.

Кто-то подставил беглецу подножку, но Крикс чудом ухитрился удержаться на ногах и помчался вперед, не разбирая дороги. Сзади свистели и улюлюкали. Он не решался обернуться, чтобы узнать, сколько человек его преследуют и близко ли они. Опыт общения с Катти подсказывал, что думать можно будет позже, а сейчас следует приложить все силы, чтобы скрыться от погони. Он метнулся в переулок, вихрем пронесся вверх по кривой улочке, повернул еще раз и бежал, пока не запыхался окончательно. Привалившись к какой-то стене, он сполз на землю, тяжело дыша и чувствуя тупую боль в лодыжке, так и не зажившей до конца.

Сейчас, когда опасность миновала, страх почему-то стал еще острее. Попадись он стражникам, пришлось бы объяснять, откуда у него кошелек, а версия о кладе, найденном под камнем, вряд ли показалась бы им убедительной. Разумеется, его бы обвинили в воровстве. А если даже нет, то все равно он никогда не получил бы золото назад. И все из-за того, что он не дал себе труда подумать, как его потрепанная, грязная одежда будет сочетаться с видом золотой монеты.

Впрочем, разве у него есть выбор? Вроде в городе должны быть лавки, где меняют деньги, но, во-первых, там он тоже будет заподозрен в воровстве, а во-вторых, он до сих пор не знает, сколько серебра дают за полумесяц. Его запросто обманут, дав ему в три раза меньше, чем положено. А то и просто отберут все деньги, и кому тогда он будет жаловаться? Страже, от которой ему еле удалось сбежать?..

Крикс встал и медленно побрел по улице, не очень представляя, куда и зачем идет. Однако уже через несколько кварталов в голову пришла спасительная мысль. Единственным человеком в Энмерри, которого он знал, был мессер Ирем. Можно было попытаться разыскать его и рассказать ему всю правду о побеге и о кошельке с деньгами. Почему-то Крикс не сомневался в том, что рыцарь ему обязательно поверит. Правда, было не совсем понятно, что из этого получится. Будь в запасе хоть какой-то выход, Крикс, наверное, не стал бы обращаться к Ирему, но сейчас выбрать не приходилось.

«Дорога идет вниз, – сказал он сам себе. – Значит, если я пойду по ней, то рано или поздно выйду к гавани. А там рукой подать до крепости. Вперед!» И, подбодрив себя таким манером, он куда решительнее зашагал по истертым тысячами ног булыжникам.

Найти рыцаря оказалось даже проще, чем он думал. В небольшой, но многолюдной энмеррийской гавани обычно собирались люди, жаждущие узнать городские новости, поскольку слухи обо всем, что происходит в Энмерри, стекались именно сюда. Слушая, как вокруг судачат о приезде орденских гвардейцев, Крикс осмелел и напрямик спросил, где можно разыскать кого-нибудь из рыцарей. Он предпочел бы объясняться с сэром Иремом, но про себя

решил, что и Эрлано, на худой конец, сойдет. Ему сообщили, что лорд Ирем всего несколько часов назад вернулся в Энмерри после недельного отсутствия, и, не задерживаясь в Четырех дубах, сразу спустился в город.

– Загляни в корчму «Свинья и Желудь», – посоветовал какой-то человек. – По крайней мере, полчаса назад я видел его там. Он попробовал хозяйский сидр, выплеснул его за стойку и спросил антарский красный эль. А еще говорят, что каларийцы ничего не смыслят в выпивке!

Чтобы не позволить собеседнику углубиться в рассуждения о местном пиве, Крикс спросил, где ему найти эту корчму, и оказалось, что она довольно близко – всего за две улицы от гавани.

– А зачем ты его ищешь, парень? – полюбопытствовал словоохотливый рассказчик.

Подумав, что ответ «мне нужно с ним поговорить», скорее всего, не устроит собеседника и, чего доброго, вызовет ненужные насмешки («Поговорить? С кем – с ним? А почему тогда не с императором?..») Крикс неопределенно махнул рукой и поспешил в корчму «Свинья и Желудь».

Слуга, столкнувшийся с мальчиком в дверях трактира, смерил его подозрительным взглядом, явно сомневаясь, стоит ли пускать в корчму такого «гостя». Крикс прошел мимо него с самым независимым видом, стараясь не обращать внимания на то, как тот презрительно кривится, глядя на его одежду.

В корчме было темно – во всяком случае, так показалось Криксу после залитой солнцем улицы – зато куда прохладнее, чем снаружи. Рыцаря Крикс увидел почти сразу и обрадовался ему, как старому знакомому. Он сделал несколько шагов вперед, раздумывая, как повежливее привлечь к себе внимание, но тут мужчина поднял голову, и необходимость окликать его отпала.

Лицо Ирема при виде Безымянного – вернее, Крикса – исказилось так, как будто вместо пива он глотнул из кружки уксуса.

Пару секунд он молча смотрел, как будто это зрелище заставило его окаменеть, а потом резко встал. Высокий табурет у стойки с грохотом перевернулся.

«Он уже знает, что случилось на торгу, – пронеслось в голове у Крикса. – Он считает меня вором!»

Дождаться, пока рыцарь схватит его за рукав, Крикс, разумеется, не стал.

Проскользнув мимо компании мужчин, только что вошедших в корчму, он бросился к дверям.

– Стой!.. – крикнул Ирем, не особенно надеясь, что беглец его послушает. И тоже начал пробиваться к выходу. – С дороги!

Рыцарь бесцеремонно оттолкнул стоявшего у стойки стражника, и тот от неожиданности опрокинул кружку, заливая пивом стойку и своих соседей. Кто-то охнул, кто-то громко выругался, но до ссоры дело не дошло. Увидев, кто его толкнул, потерпевший предпочел счесть этот случай простым недоразумением, отряхнуть штаны и жестом заказать другую кружку.

Ирем вылетел за порог трактира и одним прыжком перемахнул ведущие к крыльцу ступени, не успев подумать, как глупо он будет выглядеть со стороны, если начнет гоняться за мальчишкой. По улицам он бы за ним, наверное, не побежал, но парень как сквозь землю провалился. Ирем осмотрелся, но не обнаружил никаких следов Безымянного. Прохожие не провожали бегущего глазами, мальчишки не свистели ему вслед, а до ближайшей подворотни было добрых сто шагов – не мог же он преодолеть такое расстояние за те секунды, которые Ирем потерял в корчме... Рыцарь стоял, не зная, что предпринять: то ли попытаться разыскать мальчишку, то ли махнуть на все рукой и вернуться в трактир, а уже там подумать, как быть дальше. Он опять поднялся на крыльцо и встал возле двери, как будто ожидая, что беглец вернется.

Крикс, затаив дыхание, стоял в каком-то метре от него за выступом стены, молясь, чтобы лорд Ирем не заметил его тени или еще как-нибудь не догадался, где он мог бы спрятаться. Он

видел край плаща, который Ирем перекинул через руку, и конец потертых ножен. «Уходи... ну уходи же!» – думал Крикс. Теперь идея найти рыцаря и попросить его о помощи казалась беглецу ужасной глупостью – ничуть не лучшей, чем его поступок на торгу.

Сэр Ирем обернулся. В своем укрытии Крикс различил скрип открываемой двери и понял, что из корчмы вышел какой-то посетитель.

– Ах, извините, я вас не заметил... монсеньор, – сказал невидимый мужчина добродушно. Голос у него был низкий и густой. «Наверное, столкнулся с Иремом или задел его дверь», – предположил Крикс.

– Ничего страшного, – ответил рыцарь сухо. – Разрешите, я пройду.

Дверь скрипнула еще раз. Крикс был почти уверен, что рыцарь зашел назад в трактир, но все равно не сразу набрался храбрости, чтобы покинуть свое укрытие. А когда вышел, то увидел на крыльце того, с кем разговаривал лорд Ирем. Это был высокий и дородный человек с кудрявой темной бородой, одетый в широкий бордовый камзол, слишком плотный для жаркого летнего дня. Он не был пьян, но его щеки покраснелись, а глаза блестели от съеденного и выпитого. Мужчина посмотрел на Крикса и внезапно улыбнулся с таким видом, будто собирался подмигнуть ему.

– Не беспокойся, он уже ушел.

– А-а... да, спасибо, – промямлил Крикс, не зная, что еще сказать. Чтобы спуститься по ступенькам, ему нужно было протиснуться мимо мужчины, но тот занимал так много места, что Крикс обязательно задел бы его, а это было бы невежливо.

– Я видел, как ты от него сбежал, – в голосе незнакомца послышались нотки откровенного веселья. – Правда, я не думал, что он еще попытается тебя догнать. Это сэр Ирем-то!.. Ты что, стащил у него что-нибудь?..

Крикс вспыхнул до корней волос. Да что ж такое, в самом деле!..

– Я не вор!

– Ну ладно, извини, – ответил незнакомец примирительно, хотя по голосу Крикс понял, что мужчина ему не поверил. Это было уже слишком.

– А сами-то вы кто? – спросил он грубо, хотя раньше никогда бы не позволил себе разговаривать подобным тоном с кем-нибудь из взрослых.

– А я, видишь ли, торговец, – безмятежно отозвался собеседник, даже не подумав оскорбиться. – Мой корабль называется «Поющий вереск». У меня груз пряностей и вин из Внутриморья, и сегодня вечером я отплываю с ним в Адель.

В Адель! Мысли Крикса понеслись с огромной скоростью. В таком маленьком городке, как Энмерри, любые новости распространяются так быстро, что даже сэр Ирем уже знает (ну откуда бы?..) о том, что с ним случилось на торгу. Если он останется здесь, то рано или поздно его обязательно поймают. Тогда как в Адели никому не будет до него никакого дела. Вспомнив, с каким мечтательным лицом Вали упоминал имперскую столицу, Крикс решился.

– А вы не могли бы отвезти меня в Адель? – шалея от собственной наглости, спросил он у торговца. И поспешно добавил: – Разумеется, я заплачу.

Мужчина рассмеялся. Крикс даже не мог винить его за это – он бы тоже позабавился, если бы кто-нибудь из их деревни начал утверждать, что может оплатить дорогу до Адели. Особенно если бы этот «кто-то» был его ровесником.

– У меня правда есть, чем заплатить, – повторил он настойчиво, постаравшись вложить в свои слова как можно больше убедительности.

– Ну ладно! – весело сказал купец, не прекращая ухмыляться. – Ты меня почти уговорил. Со взрослого я взял бы триста ассов. С тебя можно двести. Или даже, так и быть, сто пятьдесят. Заплатишь прямо здесь или пошлешь домой слугу?

– А сколько это будет... в полумесяцах? – с запинкой спросил Крикс. Сердце бухало о ребра, как кузнечный молот. Если повторится та же самая история, что утром на торгу, ему

едва ли еще раз удастся убежать. К тому же Ирем все еще сидел в корчме, а значит, он в любой момент мог выйти на крыльцо. Но ради призрачной возможности попасть на корабль, отплывающий в Адель, пожалуй, стоило рискнуть.

– Надо же, «сколько в полумесяцах», – хмыкнул собеседник. – У молодого господина при себе есть только золото?..

– Да, только золото, – ответил Крикс устало и, сунув руку за пазуху, достал кошель и вытряхнул из него часть монет. – Этого хватит?.. Если надо, я дам больше. И клянусь вам, я их не украл.

Он подобрался, ожидая, что торговец закричит или попыбует схватить его, как пекарь на торгу. Но пока что было не похоже, что тот собирается хватать его за шиворот или кричать «Держите вора!». Купец переводил взгляд с монет, лежавших на ладони Крикса, на его лицо, потом обратно, и молчал.

– Вам хватит этих денег? – снова спросил Крикс. Он начинал надеяться, что из его затеи может что-то получиться. – Понимаете, я не могу здесь оставаться. Я не сделал ничего плохого, но никто в это не верит. Меня ловят с самого утра. Сначала стража, а теперь еще сэр Ирем...

– А ты знаешь, кто такой этот сэр Ирем? – с непонятной интонацией спросил мужчина.

– Знаю, разумеется, – бесхитростно ответил Крикс, припомнив свой недавний разговор с Эрлано.

– «Разумеется»! – пробормотал торговец, вытирая рукавом вспотевший лоб. И с надеждой уточнил: – Может, я просто слишком много выпил, а? Вот и мерещится всякая ерунда. Сначала Ирем, теперь ты... Как хоть тебя зовут?

Никакой другой вопрос не мог доставить Безымянному такого удовольствия. Впервые с той минуты, когда он решил выбрать себе имя, ему выпал шанс назваться им в беседе с посторонним человеком.

– Крикс, – ответил он, стараясь, чтобы по его виду нельзя было догадаться, что он проносит это в первый раз.

Глаза у собеседника заметно округлились.

– Как?.. Что ты сейчас сказал?..

– Сказал, что меня зовут Крикс, – повторил мальчик, недоумевая, что в его словах могло так сильно поразить торговца.

– Ну и ну! – выдохнул его собеседник. И опять надолго замолчал.

– Так вы возьмете меня на корабль? – нетерпеливо спросил Крикс, справедливо опасаясь, что Ирем может выглянуть наружу раньше, чем торговец выйдет из своего непонятного оцепенения. Мужчина вздрогнул, будто пробудившись ото сна.

– Ах, да. Пошли.

Крикс чуть не подпрыгнул от восторга. До сегодняшнего дня его фантазии о новой жизни никогда не простирались дальше поступления в ученики в одну из энмеррийских мастерских. Даже в самых смелых мечтах он никогда бы не подумал, что однажды сядет на корабль и отправится в имперскую столицу.

Несмотря на свой солидный вид и выпитое за обедом пиво, спутник Крикса шел довольно быстро, так что вскоре злополучная корчма «Свинья и Желудь», наконец, осталась позади. Крикс с облегчением выдохнул. Мужчина как-то странно покосился на него.

– Ты ни о чем не собираешься меня спросить? – осведомился он.

Крикс растерялся. Цену за проезд они уже обговорили, что еще он должен был узнать? Заметив его недоумевающий взгляд, мужчина тяжело выдохнул.

– Нельзя же быть таким наивным, мальчик! Ты даже не знаешь, как меня зовут и кто я, собственно, такой. Вдруг я разбойник и пират, который просто хочет заманить тебя на свой корабль? Ты в бегах, у тебя при себе – большая сумма золотом, а главное – никто не видел,

как мы разговариваем, и не сможет подтвердить, что ты пошел со мной. Так что мне помешает перерезать тебе глотку и забрать все твои деньги?..

Крик почувствовал противный холод в животе, поняв, что его спутник совершенно прав.

– Если бы вы действительно хотели сделать что-нибудь подобное, вы вряд ли стали бы меня предупреждать, – заметил он, заставив себя вымученно улыбнуться. Но торговец не ответил на его улыбку.

– Не об этом речь. Ты поразительно неосторожен. Рассказать первому встречному, что ты скрываешься от Ордена, да еще дать понять, что у тебя полны карманы полумесяцев!.. Не сочти, что я пытаюсь тебя поучать, но человеку в твоём положении следует выяснять о собеседнике как можно больше, прежде чем решить, а можно ли ему довериться. Кстати, мое имя тут известно многим, так что при желании ты мог бы справиться насчет меня в порту или в Торговой гильдии. Меня зовут Далланис Алькерони.

Крик кивнул, стараясь скрыть смущение. А про себя отметил, что имя его нового знакомого звучит довольно необычно. Вероятно, этот Алькерони был не местным.

В мыслях Далланиса царило полное смятение. Определенно, в его жизни давно не случилось более нелепых дней, чем этот. Сперва он встретил сэра Ирема, которого не видел уже лет четырнадцать, если не все пятнадцать. Тот его, конечно, не узнал, даже когда Далланис из дурацкой лихости вышел из кабака следом за ним и нарочно толкнул коадьютора плечом. Хотел проверить: вспомнит его Ирем или нет?.. Не вспомнил. То ли коадьютор был слишком поглощен своими собственными мыслями, то ли (что вероятнее) даже сам Ирем не способен был узнать в холемом, уважаемом торговце бывшего десятника из личной стражи Наина Воителя.

Вид Ирема живо напомнил Алькерони время, когда он служил в «Золотой сотне» и постоянно находился при особе императора. Далланис едва не поддавался искушению заговорить с гвардейцем и напомнить коадьютору об их последней встрече – просто ради удовольствия увидеть, как серые глаза сэра Ирема расширятся от изумления. Но в самую последнюю минуту Алькерони удержался от этого неразумного порыва. Кoadьютор, несомненно, пригласил бы его выпить, вспомнил бы какую-нибудь подходящую историю из прошлого, а после пары кружек темного спросил Далланиса, не может ли он чем-то быть ему полезен. Но при этом и сам Ирем, и Далланис ощущали бы известную неловкость. У десятника «Золотой сотни» и командира приграничного отряда, каким Ирем был пятнадцать лет назад, нашлась бы масса тем для разговора, но о чем главе имперской гвардии беседовать с торговцем шерстью, кожами и пряностями?..

Этим бы дело и закончилось, не встретив Далланис на крыльце того мальчишку, который улизнул от Ирема. Парень привлек его внимание еще в таверне – сперва тем, как независимо прошествовал от двери к стойке, вскинув подбородок и в упор не замечая, как все остальные посетители тарашатся на его жалкие лохмотья, а затем – той ловкостью, с которой он удрал от коадьютора. Далланис не поверил собственным глазам, когда сэр Ирем, до этого вальяжно развалившийся на стуле, потягивая хозяйский эль, вдруг подскочил, будто ошпаренный, и бросился к дверям следом за оборванцем, опрокидывая табуретки и расталкивая с дороги всех, кто оказался на его пути. Выглядело это так, будто мальчишка срезал у гвардейца кошелек со всем его имуществом, а после этого явился в лучший городской трактир, чтобы потратить там украденные денежки, и, на свою беду, столкнулся с Иремом нос к носу. Зная рыцаря, Далланис думал, что воришке далеко не убежать, но парень оказался вовсе не дураком: вместо того, чтобы очертя голову нестись по прилегающей к трактиру улице, беглец нырнул в укрытие за косяком двери и выбрался оттуда лишь тогда, когда гвардеец плюнул на погоню и ушел обратно в зал. Увидев, как мальчишка выбирается из своего укрытия, Далланис мысленно поаплодировал его изобретательности. Ирем далеко не глуп, но явно привык иметь дело с кем-то покрупнее этого воришки – даже не подумал, что беглец мог затаиться в крошечном пространстве

между дверью и стеной. Взрослый ни за что бы там не поместился, а для тощего мальчишки места оказалось вполне достаточно.

Далланис сам неоднократно становился жертвой городских воришек, и в другое время, вероятно, просто сгреб бы паренька за шиворот и притащил назад в трактир. Но сейчас, когда он только встал из-за стола после прекрасного обеда и графина сладкой вишневой наливки, Далланис пребывал в прекрасном настроении и смотрел на мелкого оборвыша с необычайным благодушием. Вино и вкусная еда всегда делали Далланиса более словоохотливым, так что он с удовольствием вступил с оборвышем в ненужный, но по-своему забавный диалог. Глядя на смуглое, скуластое лицо мальчишки, Алькерони пришел к выводу, что парень должен быть южанином или, по меньшей мере, полукровкой. До сих пор Далланис никогда не видел в Энмерри южан, хотя во Внутриморье, откуда он только что вернулся, смуглых и темноволосых энонийцев можно было встретить на любом базаре.

Судя по одежде, убежавший от гвардейца парень привык спать, не раздеваясь, прямо на земле. Не удивительно, если он в самом деле срезал кошелек у Ирема – жить-то ведь как-то надо...

«Кого-то он мне напоминает, этот парень, – размышлял Далланис. – Может быть, какого-то южанина из Внутриморья?..»

Только когда мальчишка вытащил из-за пазухи увесистый кошелек и вытряхнул на смуглую ладонь несколько золотых монет, Далланис наконец-то вспомнил, **кого именно** напоминал ему этот оборвыш. Это было как во сне: сверкнувшие на солнце золотые полумесяцы, душливая летняя жара, и главное – слова... те самые слова. «Этого хватит?.. Если надо, я дам больше».

Алькерони облизнул сухие губы, чувствуя, что у него внезапно закружилась голова. Его сознание как будто раздвоилось: тот Далланис Алькерони, который владел «Поющим вереском», по-прежнему стоял возле дверей трактира и смотрел на полумесяцы, которые ему протягивал загадочный мальчишка. А второй Далланис Алькерони – тот, каким он был в свои двадцать пять лет, – стоял с колодкой, защемившей его шею и запястья, на грубо сколоченном помосте перед Дворцом Правосудия в Бейн-Арилле. Простуженно гундящий (несмотря на страшную жару) писец нудил: ввиду того, что за три месяца пребывания кинтаро Алькерони в долговой тюрьме никто из родственников и друзей поименованного Алькерони не соблаговолил уплатить его долги, городской суд Бейн Арилля постановил: приговорить кинтаро Алькерони к четырем годам работ в Малькарских рудниках... Слушая этот голос, Алькерони кусал губы с такой силой, что уже почувствовал на языке солоноватый привкус крови. Еще утром он надеялся, что кто-то из его семьи придет к помосту, чтобы заплатить его долги. Они и так уже позволили ему как следует помучиться, досыта нахлебаться унижения, которое казалось им вполне заслуженным – не могут же они в придачу допустить, чтобы он сгнил на рудниках?! Как оказалось, могут.

Один раз он уже совершил подобную ошибку – года полтора назад, когда отец, выведенный из терпения его постоянными кутежами и попойками, выгнал его из дома и лишил наследства – к полному ошеломлению Далланиса, считавшего, что, как бы он ни ссорился с отцом, но до **такого** дело точно не дойдет. Оставшись без средств к существованию, Далланис быстро докатился до того, что сделался наемником и игроком в пинтар, увяз в долгах и не смог заплатить нескольким кредиторам. А теперь впереди со всей неумолимостью маячили четыре года на Малькарском руднике. Если судить по тому, что о нем говорили в долговой тюрьме, сбежать оттуда невозможно. Махать ему кайлом до самого конца назначенного срока – если, разумеется, он не протянет ноги раньше. Фехтовал-то Алькерони хорошо – отец в свое время не поскупился на учителя, и в свою бытность игроком в пинтар Далланис часто выходил на поединки за кинтаро побогаче, не способных или не желавших драться лично, но готовых щедро заплатить наемному бойцу. Однако фехтование – это одно, а отупляющая, ежедневная

работа и плохая, скудная еда на руднике – совсем другое. Даже если он сумеет выдержать четыре года, то уж точно подорвет здоровье и не сможет больше зарабатывать мечом.

Писец закончил свой бубнеж и начал сворачивать бумагу, когда из толпы, стоявшей у помоста, выступил высокий смуглый человек с копной темных волос и удивительно прямой осанкой. Был он чуть постарше Алькерони, и одевался – по меркам Бейн-Арилля – довольно скромно, но Далланис сразу осознал, что этот южанин далеко непросто. Два рослых человека, ненавязчиво державшихся за его спиной, явно были прекрасными бойцами – Алькерони крепко призадумался бы, если бы ему предложили драться с кем-нибудь из них. А поразмыслив, вероятнее всего, ответил бы отказом: риск, конечно, дело благородное, но рисковать без шансов на победу могут только дураки. Человек, который в состоянии нанять таких бойцов, как эти двое, должен быть очень богат или же очень знатен.

– Сколько всего должен этот Алькерони? Я прослушал, – беззаботно сказал этот человек.

Писец оторопело заморгал – так растерялся, что даже не сразу назвал сумму, а сперва посмотрел в свои бумаги. Смуглый энониец стремительно взбежал по шаткой лесенке, ведущей на помост. Телохранители не отставали от него ни на шаг, бесстрастные и молчаливые, как тени. Оказавшись возле столика писца, южанин отцепил от пояса кошель и, не считая, высыпал из него несколько десятков золотых монет. Золото нестерпимо засверкало под июньским солнцем, несколько монет скатилось со стола.

– Этого хватит? Если надо, я дам больше, – с поразительной небрежностью заметил он. «И впрямь, богат, как император!..» – подумал ошеломленный Алькерони.

Сидевший за столом судья поднялся на ноги и, к изумлению Далланиса, отвесил щедрому южанину почтительный поклон.

– Милорд... прошу вас, заберите это золото назад. Если такова ваша воля, мы освободим кинтаро Алькерони безо всякой платы.

Энониец обернулся к Алькерони, и Далланис взрогнул – взгляд у незнакомца оказался удивительно пронзительным.

– Зачем же? – спросил тот, пожав плечами. – Я ведь обещал, что буду уважать законы Вольных городов. Поэтому возьмите столько, сколько нужно, чтобы погасить долги кинтаро Алькерони.

Так Далланис в первый раз увидел Наина Воителя. Надо полагать, что сам Далланис тогда выглядел довольно глупо: тарашил на императора глаза, словно на двухголового. Но Наорикс не обращал внимания. Впоследствии Далланис выяснил, что в тот день молодой император оказался возле Дворца Правосудия почти случайно: обратил внимание на собравшуюся во дворе толпу, заинтересовался, подошел поближе... А один из его телохранителей, с которым Наорикс держался проще, чем иные полунищие кинтаро – со своими слугами, рассказал ему о том, что видел, как Далланис бьется в качестве наемного бойца. Попутно он пересказал правителю историю Далланиса, и она почему-то вызвала у императора сочувствие. Хотя впоследствии Далланис никогда не понимал, что в нем могло бы приглянуться императору. В двадцать пять лет, когда произошла эта история, он не представлял собой ничего особенного. Так... Авантюрист, игрок и редкостный балбес. Если из него, в конце концов, и вышло что-то стоящее, то случилось это уже потом, когда он служил Наину. Тот сам был превосходным фехтовальщиком и любил окружать себя отменными бойцами. Император называл этот отряд «Золотой сотней» и набирал туда всех без разбора: и наемников вроде Далланиса, и потомков обнищавших рыцарских родов. Не было в Сотне разве что аристократов – лордики предпочитали служить в гвардии, вместе с равными себе по знатности.

Далланис прослужил в «Золотой сотне» много лет – до самой смерти Наина Воителя. Он, разумеется, гордился тем, что император считал его достойным такой службы, но главным всегда оставалось чувство благодарности – даже не столько за историю с долгами и счастливым избавлением от рудника, сколько за то, что после встречи с Наином его жизнь переменилась

раз и навсегда, наконец-то обретя понятный Алькерони смысл. Из игрока в пинтар и наемного бойца он превратился в человека императора, который постоянно находился рядом с Наинном Воителем.

Тем поразительнее было то, что Алькерони не заметил сразу потрясающего, прямо-таки убийственного сходства между Наинном и тем «воришкой», за которым гнался Ирем.

Конечно, не так просто сравнивать взрослого мужчину и мальчишку десяти-двенадцати лет от роду. И все-таки их сходство невозможно было не заметить. Те же непослушные темные волосы, тот же, хотя и смягченный возрастом, рисунок скул и подбородка... Со дня смерти Наина прошло пятнадцать лет, и все-таки покойный император вспоминался Алькерони так же четко, словно они виделись только вчера. И он, дурак, еще раздумывал, кого ему напоминает «этот оборванец»!.. Альды Всеблагие, парень был уменьшенной копией Воителя. У него была такая же манера улыбаться и такие же густые, темные, как будто слегка нахмуренные брови... Император имел множество любовниц – не только знатных дам, но и простых крестьянок. Далланис поклялся бы в том, что встретился с внебрачным сыном Наина, если бы Наорикс не умер так давно – гораздо раньше, чем мог бы родиться этот парень.

Чувствуя, что он перестает хоть что-то понимать (если, конечно, исключить ту версию, что он напился вдрабадан, и у него случился солнечный удар), Далланис спросил у мальчишки, как его зовут. Услышав «Крикс», Далланис содрогнулся. Династическое имя... Значит, между этим мальчиком и Наинном Воителем и впрямь существовало кровное родство. И те, кто вырастили мальчишку, это знали. Алькерони облизнул сухие губы. Либо эти люди исключительно глупы, либо умны, но исключительно нахальны. Дать бастарду династическое имя – это все равно, что бросить вызов правящему императору.

Далланис не пожалел бы десяти лет собственной жизни для того, чтобы узнать, как получилось, что потомок Наина Воителя оказался в маленьком провинциальном городе совсем один, одетый в жалкие обноски, но при этом – с целой кучей полумесяцев. И почему за этим Криксом – в сущности, совсем еще ребенком – гоняется сам лорд Ирем, второй человек в государстве после короля.

Далланис не обманывал себя. Любой разумный человек на его месте передал бы Крикса коадьютору, не требуя никаких объяснений, и порадовался бы, что не ввязался в эту мутную историю. Но что-то в Алькерони восставало против такого разумного решения. Вполне возможно, что за этим Криксом стояли люди, собирающиеся использовать его против Валларикса. И если это так, то попадаться орденским гвардейцам для мальчишки чересчур опасно.

Алькерони снова вспомнил лицо Ирема – красивое, насмешливое и слегка высокомерное. Тот человек, которого Далланис знал пятнадцать лет назад, не сделал бы Криксу ничего плохого, даже если бы считал его угрозой для престола. Но всем людям свойственно меняться, а о том, как изменила лорда Ирема сосредоточенная в его руках власть – почти такая же огромная, как и у самого правителя – Далланис ничего не знал. Поэтому и предпочел не рисковать.

Они уже почти спустились к гавани, когда навстречу им попался худощавый юноша в темно-синем орденском плаще. Явно не думая о своем рыцарском достоинстве, Эрлано шел вдоль улицы такой легкой и пружинистой походкой, что, казалось, он вот-вот засунет руки в карманы и примется насвистывать. Крикса он просто не заметил, к огромному облегчению последнего.

– Небось, торопится в «Свинью и Желудь», к сэру Ирему, – пробормотал беглец себе под нос.

– Ты про того молоденького рыцаря? – спросил Далланис. – Никогда не думал, что таких мальчишек принимают в Орден.

– Он – оруженосец лорда Ирема, – пояснил Крикс. И выразительно поморщился: – Представляю, что бы началось, если бы он меня увидел!

– Ну, теперь это уже не важно. Через пять минут мы будем на «Поющем вереске», а там тебя никто искать не станет. Насчет меня или моей команды не волнуйся. Мы тебя не выдадим.

Теперь торговец не смеялся и не благодушествовал. Откровенно говоря, от подчеркнутой серьезности, с которой тот пообещал его не выдавать, мальчику стало здорово не по себе. У него зародилось подозрение, что весь их предыдущий разговор имел для Алькерони совершенно иной смысл, чем для него самого.

«Такое ощущение, что он... ну, будто принимает меня за какого-то другого человека, – пронеслось у Крикса в голове. – Нет, ерунда. Наверное, мне просто показалось».

– Спасибо. Я вам очень благодарен, – осторожно сказал он. – Я думаю, любой другой на вашем месте обязательно стал бы допытываться, откуда у меня столько золота, раз я не вор.

Далланис махнул рукой, как будто отгоняя надоедливую муху.

– Сказать по правде, золото волнует меня куда меньше, чем твое имя и вся эта канитель с мессером Иремом.

– А разве это не одно и то же? – удивился Крикс. – Сэр Ирем не гонялся бы за мной, если бы я...

– Тшшш, помолчи, пожалуйста! Мы уже в гавани, тут слишкомлюдно, – резко оборвал его торговец.

Крикс покорно замолчал, не очень понимая, чем их разговор мог помешать толпящимся вокруг зевакам.

– Вот он, «Вереск», – с откровенной гордостью сказал Далланис несколько минут спустя. – Красавец, а?..

Крикс с жаром подтвердил, что стоявший у пристани корабль удивительно хорош. На самом деле он готов был согласиться с чем угодно, чтобы только угодить Далланису, который помог ему выбраться из крайне затруднительного положения. Но в этот раз ему даже не пришлось кривить душой. Увиденное в самом деле привело его в восторг.

«Поющий вереск» был хоть и небольшим, зато действительно красивым кораблем, выгодно отличавшимся от остальных изяществом отделки и неуловимой легкостью всех линий – от приподнятой кормы до небольшой резной сирены на носу.

– У нас такой корабль называется «канторна», – пояснил Далланис, откровенно наслаждаясь восхищенным видом Крикса. Было видно, что корабль – предмет его особой гордости. – В быстроходности ему, конечно, далеко до глейтов или кроггов, зато трюм куда вместительнее. Я обычно плаваю в спокойных водах, и вся моя команда, не считая капитана и писца – двенадцать человек. Охраны не держу. Но ты не беспокойся, здесь пиратов не бывает; разве что в открытом море, ближе к Островам. Мы обычно плывем по реке до самого Неспящего залива, а потом идем вдоль берега к Адели – так безопаснее... Ага, нас, кажется, заметили. Видишь, спускают сходни... Осторожнее, не поскользлись. Хотя тебе-то что – в твоём возрасте это даже забавно. А я смерть как не люблю ходить по этим скользким доскам. Надо бы набить на них хотя бы пару поперечин, – отдуваясь, пропыхтел Далланис. – Каждый раз об этом думаю, да все руки не доходят... Ну, добро пожаловать на борт!

Подошедший к ним мужчина с копной черных, как смоль, волос и неухоженной курчавой бородой сейчас же был представлен Криксу как капитан Торвин. Крикс был бы рад подслушать, что Далланис прошептал на ухо капитану, так как был почти уверен в том, что речь идет о нем, но пришлось сделать вид, что их беседа его совершенно не занимает. Он отошел в сторону и присел на край скамьи, наблюдая за погрузкой сложенных на палубе товаров в трюм. «Что ж, по крайней мере, он достаточно богат, чтобы не захотеть меня ограбить», – рассудил он про себя. В этот момент Далланис тронул его за плечо.

– Послушай, Крикс, пока мы не отплыли, тебе лучше не сидеть на палубе. Здесь тебя легко увидеть.

– Ладно, – согласился Крикс, подумав, что ему предложат временно спуститься в трюм. Но вместо этого Далланис обернулся к капитану.

– Проводи его в мою каюту.

Загорелое и обветренное лицо Торвина было вежливым и непроницаемым, как будто его вырезали из коричневого дерева.

– Пойдемте, – сказал он, качнувшись с пятки на носок.

Ошеломленный тем, что к нему обращаются на «вы», мальчик безропотно последовал за капитаном.

Кабюта оказалась небольшой, но исключительно удобной. Ее обстановку составляли откидной стол, два стула и кровать – самая настоящая кровать, а не топчан из досок и не парусиновая койка. Стены и покатый потолок были обшиты деревом какой-то дорогой породы, теплым, золотистым и блестящим.

– Отдохните, – посоветовал ему капитан. – Мы отплывем часа через три.

Крикс еще не успел придумать, что ему сказать, а маленькая дверь уже закрылась.

Несколько минут Крикс просидел на краешке кровати, думая о том, куда же он попал и почему Торвин держался с ним, как с сыном лорда. Потом он задумался, что имел в виду капитан, посоветовав ему отдыхать. Значит ли это, что он может лечь на эту кровать и вздремнуть, или это будет невежливо по отношению к хозяину каюты?.. С тех пор, как он ушел из дома – или даже раньше, начиная с его злополучной ссоры с Каттинармом – Криксу ни разу не удавалось выспаться. Когда он ночевал в лесу, то к утру так замерзал, что вставал как можно раньше, чтобы согреться от быстрой ходьбы. И сейчас даже чувство голода не шло в сравнение с усталостью.

«Прилягу только на минутку, – сказал он себе. – Я все равно услышу, если кто-нибудь за мной придет».

Но на самом деле, стоило ему коснуться головой подушки, как Крикс сразу же заснул. Во сне ему мерещилось, что за ним гонятся то стражники, то Валиор, то Ирем. Он долго убежал от преследователей по извилистым улочкам какого-то города, напоминавшего Энмерри, пока не оказался в каком-то тупике. «Попался!» – торжествующе закричал Каттинарм, неведомо как затесавшийся в толпу преследователей. Крикс конвульсивно вздрогнул и открыл глаза. Ему потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что он по-прежнему лежит на мягкой постели в каюте Далланиса, и эта постель плавно покачивается вместе с кораблем. Было слышно, как кто-то на палубе давал команду поднимать дополнительные паруса и обещал, что при попутном ветре «Вереск» уже к вечеру дойдет до Пеллуэра. Вспомнив свои приключения на берегу, Крикс нервно потянулся к кошельку с деньгами. Тот лежал на прежнем месте. Устыдившись своей первой мысли, что его могли бы обокрасть во сне, Крикс пообещал себе никогда больше не подозревать Далланиса в недобрых умыслах. Поднявшись, он заметил еще кое-что. На краю кровати, аккуратно сложенные в стопку, лежали вещи, которых тут раньше не было. Кто-то принес их и оставил в комнате, пока он спал. Напрашивался вывод, что они предназначались для него. Это была одежда из добротного, приятного на ощупь материала, слишком короткая и узкая для взрослого, к тому же наскоро ушитая в нескольких местах. Светло-серая рубашка, песочного цвета штаны и коричневая безрукавка на шнуровке – все, по-видимому, новое и сшитое на совесть. Посмотрев на эти вещи, Крикс впервые осознал, насколько жалкой была его одежда.

«Положим, что Далланис в самом деле приказал купить все эти вещи для меня. Но почему он это сделал? – думал Крикс, наморщив лоб. – Конечно, будь я поумнее, я бы сразу попросил Далланиса достать мне новую одежду. В этих старых тряпках меня постоянно будут принимать за вора и бродягу. Но в том-то и дело, что я ни о чем подобном не просил...»

Еще неделю назад он проявил бы осторожность и оставил бы одежду на кровати, но за эти дни произошло так много странного, что сейчас Крикс просто махнул рукой на осторожность

и с удовольствием натянул на себя мягкую и чистую рубашку, а потом и остальные вещи. Ему даже захотелось умыться и пригладить волосы, чтобы соответствовать своему новому костюму. Но воды для умывания, не говоря уже о гребне, под рукой не оказалось, и пришлось оставить все как есть. Когда он выглянул наружу, солнце уже опускалось за холмы, и река за бортом «Вереска» блестела, как расплавленное золото. Увидев вышедшего из каюты мальчика, Далланис улыбнулся ему, как любимому племяннику.

– Уже проснулся? – спросил он.

Крикс почувствовал себя неловко. Наверное, любой другой на месте Алькерони просто растолкал бы незадачливого гостя и велел ему освободить каюту, а не стал бы терпеливо дожидаться его пробуждения.

– Простите. Я очень устал, поэтому заснул прямо у вас в каюте, – виновато сказал Крикс. – Вам она, наверное, была нужна?

Далланис отмахнулся.

– Не волнуйся. Я уже распорядился, чтобы мои вещи отнесли в каюту Торвина. Я боялся, что ребята тебя разбудят, но ты спал так крепко, что ничего даже не заметил.

– А зачем вы приказали перенести ваши вещи? – не понял Крикс.

– На «Вереске» всего два приличных помещения. Не мог же я отправить тебя спать внизу, вместе с командой? Тот, кто платит за проезд, имеет право на определенные удобства.

Крикс почувствовал, что краснеет. Он был вовсе не уверен, что имеет право на какие-то особые удобства только потому, что ему повезло найти под камнем кошелек с сорока полумесяцами. Тем более что это золото почти наверняка досталось его прежнему владельцу каким-то сомнительным путем.

– Если честно, я бы с удовольствием пожил вместе с командой, – неуверенно заметил он.

– Ты просто не видел общую каюту, – добродушно усмехнулся Алькерони. – Темно, тесно, низкий потолок и парусиновые койки. Можешь как-нибудь спуститься, посмотреть, только гляди под ноги – там везде мотки каната... – Алькерони ненадолго замолчал, глядя на реку, а потом продолжил уже совершенно другим тоном: – Я сказал команде, что ты плывешь в Адель к своей родне. Мне заплатили кругленькую сумму, чтобы я довез тебя до места и приглядывал за тобой по дороге. Твое имя знаем только я и Торвин. Я решил, что так будет лучше всего – по крайней мере, пока я не разберусь, что происходит.

Крикс непонимающе взглянул на Алькерони. Он никак не мог взять в толк, в чем именно тот хочет разобраться. Крикс уже готов был напрямую сообщить торговцу, что он ничего не понимает, когда в его голове внезапно промелькнула жуткая догадка. Выбирая себе имя, он в недобрый час припомнил некоего Кемрикса... нет, все же Кметрикса, которого при нем упоминал лорд Ирем. Нет бы ему тогда вспомнить, как фраза Ирема звучала целиком!

– Кметрикс... ну конечно! Он сказал «Клянусь короной Кметрикса», – выпалил Крикс, вцепившись в поручень фальшборта. Он был слишком потрясен своим внезапным озарением, чтобы держать себя в руках.

Надо же быть таким болваном!.. Если бы он хорошенько поразмыслил, то вспомнил, что нынешнего правителя звали Валлариксом. А старого императора, которого обычно называли Наином Воителем, на самом деле звали Наи-? Нао-? Точно, Наорикс. Не так уж трудно было бы сообразить, что эти имена не зря оканчивались одинаково. Они являлись знаком принадлежности к династии дан-Энриков, печатью королевской крови... как и имя, выбранное им самим.

Волосы на голове у беглеца зашевелились. Если кто-нибудь решит, что он назвался так нарочно, то ему конец!

– Как ты сказал? Корона Кметрикса?... – с живейшим любопытством повторил Далланис.

– Я оговорился. Извините, – пробормотал мальчик и потер виски, как будто от первого приступа морской болезни. Впрочем, сейчас его в самом деле затошнило – не от качки, а от

страха и растерянности. Этой путаницы с именами ему не простят... Может быть, рассказать все прямо сейчас? Да нет, нельзя. Далланис не поверит в то, что это – просто глупая случайность.

Вероятно, Крикс заметно побледнел, поскольку на лице торговца промелькнуло беспокойство.

– Никогда раньше не бывал на корабле, Крикс?.. Пойдем, я провожу тебя назад в каюту. Если будешь смотреть на воду, замутит еще сильнее – я-то знаю.

Он положил руку Криксу на плечо и подтолкнул его вперед. Мальчик бездумно подчинился.

«Интересно, за кого он меня принимает?» – вяло подумал он. За дальнего родственника императора, сбежавшего из дома? За королевского бастарда, которого ищут рыцари из Ордена? А что, очень возможно – он ведь сам сказал, что знает лорда Ирема, просил его не выдавать... Как бы там ни было, теперь он точно влип. Правду сказать нельзя, но и обманывать бессмысленно – Далланис далеко не глупый человек, быстро поймет свою ошибку. Единственный шанс состоит в том, чтобы дождаться первой остановки и сбежать, как только «Вереск» в первый раз причалит к берегу. Вот только – скоро ли это случится?.. Долго продолжать этот спектакль он не сможет. Он всю жизнь прожил в деревне, как он может выдавать себя за «Рикса»?! Чудо, что Далланис до сих пор не понял, с кем имеет дело.

– Посиди, пока тебе не станет легче, – сказал Алькерони, заводя его в каюту и усаживая мальчика на табурет. – Пойду, распоряджусь, чтобы тебе принесли ужин. Понимаю, мысли о еде тебя сейчас не слишком вдохновляют, но все-таки постарайся хоть чуть-чуть поесть. Нет ничего хуже качки на пустой желудок.

Крикс внезапно ощутил, что он ужасно голоден – настолько, что почувствовал сильнейший спазм в желудке от одного только слова «еда». Но внешне мальчик постарался сохранить невозмутимый вид. Не мог же настоящий «Рикс» жадно набрасываться на еду, словно какой-нибудь бродяжка!..

Ужин состоял из жареной рыбы, куска хлеба и кружки со слабым, на три четверти разбавленным вином. Вопреки всем своим стараниям выглядеть сытым, Крикс справился со своей порцией так быстро, что Далланис удивленно поднял брови и распорядился принести добавки.

– Теперь понятно, почему тебя внезапно замутило. Ты ведь не обедал, верно? – спросил он, глядя, как мальчик справляется со вторым куском рыбы.

Крикс кивнул. Сказать по правде, он даже не завтракал.

– Помнится, я не мог проглотить ни крошки, когда впервые очутился на корабле, – сказал Алькерони, подвинув свой табурет к стене и привалившись к ней спиной. – А Наорикс, наоборот, легко переносил любую качку. Помню, половина нашего отряда ходила с зелеными мордами и боялась даже думать о еде, а Наориксу хоть бы что. Сидел в своей каюте и играл в пинтар.

Крикс изумленно посмотрел на Алькерони.

– Вы знали императора?!

– И даже очень хорошо. Я был его телохранителем.

– Не может быть! – выпалил Крикс. Далланис правильно истолковал его интонацию и усмехнулся:

– Не похож?..

Крикс пробормотал, что он имел в виду совсем не то, но Алькерони только хмыкнул.

– Ладно, не красней, я сам отлично знаю, как я выгляжу... Но когда я служил в «Золотой Сотне», я был лет на двадцать помоложе. И значительно стройнее. Н-нда... Так вот, Наин Воитель совершенно не страдал морской болезнью. А вот Валлариксу сначала было туго. Когда наш корабль вышел из Неспящего залива, принц два дня лежал пластом в своей каюте. Ирем

тогда таскал ему влажные полотенца и расхаживал по верхней палубе среди гребцов, как будто бы ему все нипочем. А потом прятался в своей каюте и блевал в отхожее ведро.

Крикс сидел на табурете, напряженный, как струна, и пытался понять, к чему ведет Далланис, но, услышав имя Ирема, вскинул на Альверони изумленный взгляд.

– Лорд Ирем?..

– Да. Кажется, ему тогда было четырнадцать. Или пятнадцать. Думаю, что он уже и сам забыл, каким он был в те времена. Во всяком случае, от качки он теперь определенно не страдает. Видел я в Энмерри их глейт – по сравнению с ним «Вереск» похож на игрушечный кораблик из ореховой скорлупки... – взгляд Алькерони стал задумчивым. – Может быть, я знаю Ирема не слишком хорошо, но все-таки я его *знаю*. Ты, конечно, очень ловко смылся от него сегодня утром, но поверь: если бы ты остался в Энмерри, он бы тебя уже нашел. А в столице Орден обладает еще большими возможностями, чем в любом провинциальном городе.

Крикс вцепился руками в край своего табурета, подумав: начинается! Теперь торговец станет задавать ему какие-то вопросы, и тогда... трудно даже представить, что тогда случится. Алькерони правильно истолковал его испуг и выразительно поморщился.

– Не беспокойся, я не собираюсь ничего выпытывать. Но я хотел бы, чтобы ты подумал о своем положении. Признайся, что сегодня утром, в Энмерри, ты был не слишком осторожен. Тебя вполне могли ограбить, похитить или вообще убить. Во Внутриморье ежедневно продают сотни подростков твоих лет, и никого при этом не волнует, что работорговля запрещена законом. Но тебя, конечно, вряд ли стали бы везти так далеко. Многие маги верят в то, что даже капля королевской крови обладает большой Силой, и готовы заплатить любые деньги, чтобы раздобыть такой ингредиент для своих снадобий.

Крикс тупо смотрел в пол, не решаясь поднять глаза на собеседника. Упоминание о королевской крови совершенно выбило его из колеи. Примерно с полминуты в маленькой каюте было тихо. Когда Алькерони заговорил опять, его голос звучал гораздо менее уверенно.

– Я это, собственно, к чему... Если ты сам решил отправиться в Адель... ну, предположим, тебе захотелось приключений, и ты убежал от своих родителей или опекунов – бывает же такое? – то подумай еще раз, к чему все это может тебя привести. А если это путешествие в Адель – вообще не твое решение, если тебя уговорил на это кто-нибудь другой – тогда спроси себя, действительно ли этот человек желал тебе добра. И если да, то почему он так легко рискнул твоим благополучием и даже жизнью.

Крикс молчал, не представляя, что ему сказать. Далланис тяжело поднялся на ноги и посмотрел на него сверху вниз.

– Ты обещаешь поразмыслить обо всем, что я тебе сказал?

– Конечно, – пробормотал Крикс.

– Ну, тогда отдыхай. Лучше всего поспи. Уверен, завтра ты даже не вспомнишь о своей морской болезни.

Крикс прикусил губу. Он не привык, чтобы о нем кто-нибудь беспокоился – конечно, не считая оставшейся дома мамы. А сейчас о нем заботился чужой и совершенно посторонний человек, вдобавок – человек, которого он обманул. На одну секунду Криксу захотелось удержать торговца, выложить ему все, как есть – и будь что будет, но он сразу подавил этот порыв. Он уже собирался поговорить начистоту с мессером Иремом, и это не закончилось ничем хорошим. Пора стать умнее.

Выйдя из своей каюты, которую теперь занимал Крикс, Далланис задумчиво прошелся по палубе и облокотился на фальшборт.

Версия с заговорщиками, собирающимися использовать бастарда королевской крови для своих интриг, пугала его больше всего, но после разговора с Криксом Алькерони был почти уверен в том, что дело все-таки не в этом. Безусловно, в мире всегда были, есть и будут те, кто готов использовать других людей, даже детей вроде Крикса, как фишки для игры в пинтар. Но

в таком случае они гораздо больше берегли бы свою «ставку». И уж точно озаботились бы тем, чтобы научить Рикса, как ему следует себя вести, тогда как в действительности мальчик выглядел до неприличия растерянным. Далланис склонялся к мысли, что до недавних пор Крикс находился под надзором выбранных Валлариксом опекунов и Ордена, а вот теперь сбежал. Неудивительно, что Ирем просто вне себя!..

Что ж, если это и в самом деле так, то дело представлялось относительно простым. Довезти Крикса до Адели, а в столице сообщить о нем Валлариксу – пусть император сам решает, как с ним быть. Правда, получить аудиенцию у короля не так-то просто, но знакомые из городского капитула будут рады оказать ему эту услугу... Император с детства отличался превосходной памятью, так что не приходилось сомневаться: он не забыл десятника из стражи своего отца, с которым был знаком еще подростком.

Впрочем, прежде чем принять какое-то решение, следовало повнимательнее понаблюдать за Криксом и еще раз тщательно проверить свои выводы. Далланис мысленно пообещал себе, что если все обойдется благополучно, он пойдет к Торвину, запретя с ним в каюте и выпьет, по меньшей мере, три бутылки эшарета. Обычно Алькерони позволял себе нечто подобное только на берегу, но избавление от мутной и опасной ситуации, чреватой обвинением в измене, стоило того, чтобы забыть о любых правилах.

Если бы не постоянные опасения, что его обман каким-то образом раскроется, то следующие десять дней были бы лучшим временем в жизни Крикса. Не только Далланис, но и вся команда «Поющего вереска» приняли его очень хорошо. Торвин держался с ним по-прежнему почтительно, матросы – с грубоватым добродушием. Вечером или рано утром Крикс часто сидел с кем-то из них на вахте, а днем смотрел на проплывающие мимо берега реки или разводил чернила для писца, ведущего учет всем прибылям и убыткам в торговле. Счетовод сначала удивлялся, с чего платный пассажир берется за подобные дела, но потом списал это на обыкновенное мальчишеское любопытство. Каждый раз, когда «Поющий вереск» останавливался в городе или небольшом прибрежном поселении, Далланис разворачивал торговлю – часто прямо у причала или даже у себя на корабле. Так что работы у писца хватало, и он был только рад добровольному помощнику.

Присутствуя при этих подсчетах, Крикс, наконец, осознал, что он баснословно богат.

Весь груз Далланиса не стоил столько, сколько было в найденном под камнем кошельке. В пересчете на серебро ему досталось без малого семнадцать тысяч ассов. Правда, он до сих пор сбивался, вспоминая, сколько сотен в одной тысяче, но это не мешало ему понимать, что семнадцать тысяч ассов – это сумма, на которую даже в столице можно жить не один год. Крикс думал, что, попав в Адель, он ни за что не повторит ошибок, сделанных в Энмерри. Первым делом он пойдет к менялам, назовется там слугой какого-нибудь состоятельного человека и обменяет пару полумесяцев на серебро. Неброская, но новая и добротная одежда, подаренная ему Далланисом, подошла бы даже сыну состоятельного горожанина, так что никаких подозрений он не вызовет.

Потом он снимет комнату в каком-нибудь недорогом трактире. Если станут допытываться, почему он путешествует один, то Крикс расскажет байку о том, что его родители должны вот-вот приехать в город, а ему поручили дожидаться их на постоялом дворе. Не слишком убедительно, но для начала сойдет. У него будет несколько дней, чтобы побродить по городу, заключить ученический контракт и тихо съехать в мастерскую к новому хозяину. А дальше он примется изучать оружейное дело, дожидаясь того дня, когда можно будет завербоваться новобранцем в какой-нибудь отряд.

Именно об этом он раздумывал ночью на одиннадцатый день их путешествия, лежа в темноте в своей каюте. Было уже поздно, ужин закончился два или даже три часа назад, но Криксу не спалось. По правде говоря, тревожили его совсем не мысли о том будущем, которое ждало его в Адели. Настоящее смущало Крикса куда больше.

В начале своего путешествия Крикс был уверен в том, что убежит при первой же возможности, как только «Вереск» в следующий раз причалит к берегу. Однако страх мало-помалу проходил, а доброе расположение Далланиса все больше действовало мальчику на нервы. Крикс чувствовал себя обманщиком. Он успокаивал себя, давая мысленные обещания, что заплатит Далланису вдвое, даже втрое больше, чем было условлено, но это мало что меняло. Купец не просто выполнял их договор; Крикс постоянно видел доказательства того, что этот человек, еще не знавший его десять дней назад, на самом деле беспокоится о нем, а этого нельзя было купить ни за какие деньги. Страх, что Далланис выдаст его страже или Ордену, давно прошел, и все-таки Крикс скорее откусил бы себе язык, чем рассказал купцу всю правду о своем происхождении. Далланис станет презирать его, если узнает, что он не только не «дан-Энрикс», но и вообще безродный сирота.

Оставалось только одно: довести начатое до конца и распроститься с новыми знакомыми в Адели, оставив их в полной убежденности, что их «Поющий вереск» перевез в столицу побочного отпрыска дан-Энриков.

Мысли у Крикса путались. Он не заметил, как закрыл глаза.

Но на сей раз он проспал всего лишь несколько минут, проснувшись от того, что дверь в каюту с легким скрипом приоткрылось, и в щели мелькнул неясный отблеск фонаря, предвзвездительно прикрытого рукой.

– Как там мальчик? – приглушенно спросил мужской голос.

– Спит.

– Вот и отлично. Значит, побеседуем здесь, под навесом. Чертов дождь зарядил до утра, а мне не улыбается торчать снаружи с непокрытой головой. Представляю, каково сейчас дозорному на вахте!

– Ничего, я скоро разбужу ему на смену Хейна.

Крикс прислушался. Хотя снаружи говорили почти шепотом, не узнать по голосам Далланиса и капитана было невозможно.

– Тебя что-то беспокоит? – спросил Торвин.

– Из-за этой непогоды мы идем с задержкой. Я рассчитывал, что «Вереск» выйдет в Залив еще сегодня, а теперь мы попадем туда не раньше, чем к полудню завтрашнего дня. Как бы нам сократить дорогу так, чтобы прибыть в Адель в намеченное время? Это вообще возможно?

– Ну, не знаю, – с некоторым сомнением ответил Торвин. – Можно попытаться... Только для чего нам вообще идти в Адель?

Крикс резко приподнялся на кровати.

– Мы ведь почти все уже распродали, – продолжал Торвин. – Остаток груза не окупит даже пошлину, которую придется заплатить за право торговать в столице. Я подумал, что в Мелесе мы просто развернемся и отправимся назад.

– А Рикс?..

– Вот пропасть, я о нем совсем забыл!

– Поттише, Торвин!.. Неужели непременно нужно так орать? – мрачно спросил Далланис.

– Извини, – смущенно отозвался капитан. Какое-то время за дверью было тихо. Потом Торвин неуверенно сказал – Видишь ли, тут такое дело... Мы спешим, а я уже пообещал команде остановку в Мелесе...

Далланис хмыкнул. Догадался, надо полагать, что капитан надеялся на эту остановку уж никак не меньше, чем его матросы.

– Ладно, будет остановка. Только небольшая. И чтобы к полудню все вернулись на свои места... Можешь идти. Спокойной ночи, капитан.

Крикс еще долго лежал на своей кровати, боясь лишний раз пошевелиться, хотя он точно знал, что снаружи под навесом уже никого нет.

Вот, значит, как. Далланис готов терпеть убытки, чтобы только сдержать слово и отвезти его в Адель. Крикс почувствовал, что если он сделает вид, будто ничего не слышал, и останется на корабле, то потеряет даже те остатки самоуважения, которые у него еще сохранились после истории с мнимым «Риксом».

План дальнейших действий вырисовывался сам собой: когда корабль сделает остановку в Мелесе, он сойдет на берег и исчезнет. Хотя нет. Если он просто не вернется к моменту отплытия, Далланис, чего доброго, решит, что с ним стряслась какая-то беда. И потеряет время на бессмысленные поиски. Значит, необходимо объясниться с ним начистоту.

При одной мысли о подобном разговоре Крикса замутило. Он ворочался в постели, представляя, как он признается Алькерони в том, что все эти дни обманывал его, и чувствовал, что с радостью отдал бы половину своих денег за возможность как-то отвертеться от этого разговора.

Несколько секунд спустя мальчика осенило, каким способом можно избавиться от объяснения с торговцем: видимо, недаром все-таки он провел столько времени, наблюдая за работой корабельного писца. Нужно будет найти в мелесской гавани какого-нибудь скрибу, который занимается составлением писем и прошений для неграмотных людей и этим зарабатывает себе на хлеб, и продиктовать ему записку для Далланиса.

С облегчением вздохнув, Крикс уткнулся лбом в подушку и тут же заснул.

Когда мальчик не вернулся к назначенному времени отплытия, Далланис всерьез забеспокоился. Он уже собирался послать кого-нибудь на поиски, но ему сообщили, что в каюте Крикса лежат деньги и какая-то записка, и купец, почувствовав неладное, быстро направился туда. На застеленной кровати обнаружилась целая россыпь из серебряных монет и лист льняной бумаги. Далланис схватил его и с изумлением прочел:

«Произошла ошибка. Я совсем не тот, кем вы меня считали. Я назвался первым именем, которое пришло мне в голову, но ничего не знал о том, что оно значит. А потом я побоялся объяснить, как сильно вы ошиблись. Получается, я лжец и трус. Но я бы не хотел, чтобы из-за меня вы потеряли деньги. Надеюсь, вы простите мой обман. И пусть у вас все будет хорошо.

Прощайте.

Безымянный»

Далланис прочитал записку дважды. Строчки на листе бумаги были очень ровными, а буквы – каллиграфически правильными. Вне всякого сомнения, письмо писал профессиональный скриба. Высыпанных на кровать серебряных монет хватило бы на то, чтобы заплатить за двоих взрослых пассажиров, но Далланис даже не смотрел на деньги. Он снова и снова перечитывал записку – от слов «Произошла ошибка» и до подписи, стоявшей под письмом, и понимал, что он не знает, что и думать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.